Н. Н. ЛИСОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди людей, которым мы более всего обязаны укреплением и утверждением русского православного присутствия в Святой Земле, одним из первых необходимо назвать основателя и фактического руководителя Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) В. Н. Хитрово.

Василий Николаевич Хитрово родился 5 июля 1834 г. Получив блестящее образование в Александровском лицее, он поступил на службу в Государственный контроль, затем — в Комиссариатский департамент Морского министерства. Позже служил в Министерстве финансов, занимался устройством в России первых ссудо-сберегательных товариществ и руководил ими в течение 20 лет. (См.: Хитрово В. Н. Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Вып. 1. СПб., 1881; Изд. 7. СПб, 1886).

Но подлинное свое призвание он обрел в Палестинском Обществе в работе по изучению Святой Земли и просвещению православных арабов Палестины. «Неутомимой, всегда бодрой энергии Василия Николаевича, его упорной настойчивости в преследовании задач, положенных в основание деятельности Православного Палестинского Общества, и, главное, его горячей до фанатизма, непоколебимой преданности этим задачам Общество почти всецело обязано своим развитием и занятым им ныне прочным положением как в пределах Святой Земли и Сирии, так и в самой России».

При этом В. Н. Хитрово предпочитал оставаться скромным тружеником, не делая из своей ответственной патриотической работы источника доходов или наград и почестей. На годичном собрании ИППО в 1902 году, посвященном двадцатилетнему юбилею Общества, он сказал: «Не в людях была причина успеха Общества, а в его идеале. Не мы одни, но вы, и тысячи рассеянных по Русской земле служат одному и тому же идеалу. Но есть одна, если не причина успеха Общества, то во всяком случае заслуга перед ним его руководителей, его Совета. Заслуга эта заключается в том, что ни разу не были потеряны подходящая минута или условие. Совет был всегда настороже и всегда наготове».

Глубокий духовный интерес к Святой Земле проявился в деятельности В. Н. Хитрово задолго до основания Общества. Летом 1871 года им была совершена первая — еще полутуристическая, полупаломническая — поездка в Палестину. Увиденное во время этого путешествия: тяжелое, беспомощное положение русских паломников и безотрадное состояние православной арабской паствы Иерусалимского Патриархата — произвели на вполне благополучного петербургского чиновника столь сильное впечатление, что весь духовный мир его изменился и вся дальнейшая жизнь его была посвящена делу укрепления позиции Православия на Ближнем Востоке. После того первого путешествия, он еще шесть раз посетил Святую Землю: в 1880 году — собирая материалы для доклада «Православие в Святой Земле», ставшего отправной точкой по мобилизации российского общественного мнения в пользу создания Палестинского Общества. В эту поездку он особенно сблизился с архимандритом Антонином (Капустиным), в котором нашел — во многих, хотя и не во всех вопросах — единомышленника и соратника. Конкретный опыт и неустанный труд отца Антонина по созиданию Русской Палестины стали образцом и примером для В. Н. Хитрово на все последующие годы.

21 мая 1882 года осуществилась его мечта: состоялось торжественное открытие Православного Палестинского Общества, устав которого двумя неделями раньше был Высочайше утвержден императором Александром III. Это было началом каждодневной тяжелой работы В. Н. Хитрово, которую он добровольно принял на себя, — первоначально как почетный член Общества и помощник его Августейшего Председателя, великого князя Сергия Александровича.

В 1884—1885 гг. мы снова видим Василия Николаевича в Иерусалиме, в связи с подготовкой строительства и закладкой храма во имя святой Марии Магдалины; в 1888 г. — в связи со строительством нового подворья, получившего впоследствии название Сергиевского. С 1889 года, когда Обществу были переданы имущества и полномочия прежней Палестинской (Мансуровской) Комиссии и присвоено почетное именование Императорского (с аббревиатурой ИППО) В. Н. Хитрово стал его секретарем, а практически — до самой своей смерти — единственным бессменным руководителем. Уже осенью того же года, облеченный новыми полномочиями, он едет в Святую Землю для принятия от Палестинской Комиссии находившихся в ее ведении Русских иерусалимских построек и имуществ. И надо сказать, по свидетельству самого Василия Николаевича, оба функционировавшие тогда при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме большие подворья — мужское, получившее позже именование Елизаветинского, и женское — позднее Мариинское, — были приняты им из рук Палестинской Комиссии в весьма расстроенном, практически аварийном состоянии: без окон, дверей и самой необходимой мебели. Работа по приведению их в должный порядок была выполнена быстро и эффективно Палестинским Обществом уже под личным руководством Василия Николаевича. Он объехал и осмотрел также 8 школ, открытых к тому времени Обществом для обучения палестинских детей. Просветительская работа среди местного арабского населения — одна из важнейших исторических заслуг Общества и лично В. Н. Хитрово. В 1902 году, уже больной и слабый, он специально ездил в Константинополь, чтобы добиться — с помощью Российского Посольства — официального признания Османской Турцией наших учебных заведений в Сирии и Палестине. Их было тогда 87, а к 1914 году стало 113.

Как видим, должность «секретаря» отнюдь не обрекала ее носителя на кабинетное сидение или исключительно научную работу. Тем не менее В. Н. Хитрово был хорошо известен русскому читателю и своими печатными трудами. Еще в 1876 году вышла в свет его книга «Неделя в Палестине», посвященная впечатлениям от первой поездки в Святую Землю. (Второе издание: СПб., 1879; 3-е, посмертное, — СПб., 1912). За ней последовали: «Палестина и Синай. Часть 1» (СПб., 1876), «Православие в Святой Земле», составившее 1-й выпуск 1-го тома основанного им «Православного Палестинского Сборника» (СПб., 1881), «Раскопки на Русском месте в Иерусалиме» (СПб., 1884), «Научное значение раскопок на Русском месте» (СПб., 1885).

Весьма удачны были и опыты научно-популярного изложения, предназначенного для самого широкого, неподготовленного читателя. Мы имеем в виду очень небольшую, карманного формата, но емкую содержательную книжку «К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника» (СПб., 1884; в 1895 г. вышло уже 7-е издание этой книги), а также несколько выпусков (или «чтений») в изданной ИППО научно-популярной серии «Русские паломники Святой Земли» (Чтения 39 и 40: Иерусалим и его окрестности. СПб., 1896, 1897; Чтение 41: Вифлеем, Хеврон, Горняя. 1898; Чтение 42: Иордан. 1900. Чтение 44: Лавры Саввы Освященного и Феодосия Киновиарха. 1898).

...Россия и Русское правительство всегда были скупы на благодарность своим самоотверженным сынам и подвижникам. Лишь на смертном одре, за неделю до кончины, Василий Николаевич был утешен царским высочайшим рескриптом. В нем говорилось: «Василий Николаевич! Из отчетов, представленных Мне

Августейшим Председателем Императорского Палестинского Общества, Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем, Я с отрадным чувством убедился в выдающемся успехе деятельности названного Общества. Основанные им в Святой Земле подворья для паломников и заведения учебные и врачебные вполне удовлетворяют своему полезному назначению; число православных паломников возросло до десяти тысяч в год; для ознакомления с историей и современным положением Палестины Обществом предпринят целый ряд ученых и общедоступных изданий. Столь блестящие результаты достигнуты благодаря пожертвованиям и постоянным заботам подвизающихся на пользу Общества ревнителей веры и благочестия, в ряду коих вы заняли видное место вашими свыше двадцатилетними плодотворными трудами в званиях Помощника Председателя, члена Совета и Секретаря Общества.

Сердечно сочувствуя возвышенным целям Православного Палестинского Общества, коему вы так много послужили, Я считаю справедливым за изъясненные заслуги ваши объявить вам Мое благоволение.

Пребываю к вам благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: НИКОЛАЙ».

Василий Николаевич умер 5 мая 1903 года в Гатчине, под Петербургом, на 69-м году жизни, на 22-м году существования основанного им Общества. Имя его золотыми буквами на черном мраморе мемориальной доски начертано в Русском Александровском подворье в Иерусалиме, у самого Порога Судных Врат, через которые Спаситель прошел на Голгофу и которые раскопаны были в 1883 году архимандритом Антонином (Капустиным) при самой активной поддержке В. Н. Хитрово.

Деятельность и творческое наследие основателя ИППО нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Особый интерес представляет не опубликованная и не введенная доныне в научный оборот большая статья В. Н. Хитрово «Русская Духовная Миссия в Иерусалиме», сохранившаяся в архиве ИППО, которую мы публикуем в этом сборнике.

Рукопись представляет собой большую, в четвертку, тетрадь, содержащую 84 ненумерованных листа, в картонном переплете, с шифром библиотеки Общества в левом верхнем углу: «ИППО. Н. VII. № 510». На внутренней стороне переплета, также в левом верхнем углу, экслибрис ИППО с тем же шифром.

Ни автор статьи, ни время ее создания не указаны. На корешке переплета золотым тиснением надпись: «Архимандр(итъ) Порфирий». Но на форзаце, посредине страницы, сохранилась отчетливая карандашная помета: «Хитрово». Кроме этой, не известно кем сделанной надписи, авторство надежно устанавливается из внутренних данных текста. Так, на одной из первых страниц автор говорит: «В статье моей "Православие в Святой Земле" я подробно изложил...» и т. д Речь идет, несомненно, об упомянутой выше работе В. Н. Хитрово «Православие в Святой Земле». Перекликаются обе работы и по содержанию. Стиль, основательность и решительность суждений, критическое, иногда резкое отношение как к светскому, МИДовскому, так и к церковному, Синодальному, начальству почти безошибочно выдают в публикуемой статье твердую и талантливую руку основателя ИППО.

Время написания статьи определяется двумя содержащимися в ней хронологическими указаниями. Говоря о характере первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, «слишком прямом, решительном и своеобычном», автор добавляет: «каким он остался до конца своих дней». Следовательно, работа написана после смерти Преосвященного Порфирия (Успенского), скончавшегося 19 апреля 1885 г. И второе датирующее указание. На одной из страниц рукописи к имени архиепископа Фаворского Иерофея автором сделано примечание: «Скончавшегося в текущем году Патриархом Антиохийским». Очевидно, годом кончины Патриарха Антиохийского Иерофея — 1885 — и следует датировать рукопись.

Статья представляет большой источниковедческий интерес, к тому же написана живо и увлекательно. С некоторыми выводами автора трудно согласиться — особенно в его гиперкритической оценке реального исторического значения и вклада Русской Духовной Миссии (РДМ) и лично архимандрита Порфирия в первый период существования Миссии (1847—1854).

В целом, даже в самых жестких своих оценках, В. Н. Хитрово справедлив и объективен. Другое дело, что для адекватного понимания работы необходимо учитывать и «сверхзадачу» автора — его неустанную борьбу по объединению всех русских усилий в Святой Земле под эгидой Православного Палестинского Общества. Именно этой объединительной тенденцией обусловлена некоторая, скажем так, пристрастность при разборе промахов и неудач как внешнеполитического российского ведомства, так и духовных лиц и учреждений. В 1889 году цель В. Н. Хитрово, как отмечалось выше, была достигнута: Общество получило статус «Императорского», ему былы переданы функции и имущественные права Палестинской Комиссии МИДа, через него стало осуществляться финансирование, а отчасти и руководство Русской Духовной Миссией в Иерусалиме.

Ряд конкретных неточностей, указанных нами в примечаниях, объясняется тем, что для автора, по собственному его признанию, «был закрыт архив Министерства иностранных дел». Большая часть относящихся к теме документов не была тогда опубликована, в том числе «Книга бытия моего» — дневники и воспоминания епископа Порфирия (Успенского). Тем важнее то место, которое занимает публикуемое исследование в довольной скудной историографии русского присутствия в Святой Земле. Без учета позиций и суждений В. Н. Хитрово невозможно, на наш взгляд, объективно разобраться в крайне сложном и напряженном контексте развития русского дела в Палестине.

К чести В. Н. Хитрово следует сказать, что, по ознакомлении с неизданным наследием епископа Порфирия (по «Описанию», изданному Сырку), он существенно изменил свое отношение к основателю РДМ, более того — выступил инициатором публикации вышеупомянутой «Книги бытия моего» за счет Палестинского Общества, что и было осуществлено в 1892—1904 гг.

В качестве приложений автор поместил в своем исследовании шесть документов, освещающих деятельность епископа Порфирия и предысторию создания Русской Духовной Миссии (1842—1847 гг.). Три из них были опубликованы П. В. Безобразовым в «Материалах для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы» (СПб., 1910). Мы сочли целесообразным сохранить их в данном издании.

В. Н. Хитрово
(1834—1903)

В. Н. ХИТРОВО

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

Введение

Издревле сношения России с Иерусалимскою Патриархиею носили характер исключительно религиозно-благотворительный. Священные имена палестинских урочищ служили всегда притягательною силою для Православной Руси, они же были причиною щедрой милостыни, которая постоянно пересылалась русским правительством Иерусалимской Патриархии вообще и отдельным ее епархиям в частности. Политическая роль Иерусалимского Патриарха относительно России ограничивалась сообщением о разных политических замыслах Высокой Порты и тем влиянием, которое Иерусалимский Патриарх имел на восточные церковные дела, живя почти постоянно в средоточии их — Константинополе.

Назначение наших резидентов при Высокой Порте и все бо́льшее отвлечение нас западною политикою от восточных церковных дел уничтожили с середины прошедшего столетия и то ограниченное политическое значение, которое Иерусалимская Патриархия или, вернее, Иерусалимский Патриарх когда-либо для нас имели.

Для Иерусалимской же Патриархии Россия имела двоякое значение: одно, косвенное, — покровительство православным вообще и заступничество за них, в том числе и за Патриархию; и другое, более осязательное — тот неиссякаемый источник денежных средств, который из России шел ко Гробу Господню и другим святыням Палестины. Денежные средства являлись для Патриархии необходимостью, как единственное оружие для борьбы с турецким правительством, которое отчасти по наущению иноверных общин, отчасти само по стремлению к наживе, видело в этих поборах с Иерусалимской Патриархии весьма выгодное средство для постоянного дохода.

Таким образом, почти половина денежных средств, которыми располагала Патриархия, шла ежегодно на подкуп тех или других турецких чинов, весы которых в противном случае склонялись в пользу латинян и представителей их в Святой Земле — францискан, но другая, бо́льшая половина, расходовалась вполне бесконтрольно на нужды Святогробского братства, — и для местной православной паствы не оставалось почти ничего.

Между тем за первые тридцать лет нынешнего столетия положение Иерусалимской Патриархии существенно изменилось. Слишком двухсотлетние предания, которыми она жила под оттоманским владычеством, очевидно стали отживать свой век, уступая влиянию новых обстоятельств. Освобождение Греции, образовав *новый* центр эллинизма, послужило первым поводом к возникновению, под влиянием западных веяний, панэллинизма и разделения Православия по национальностям, столь далекого от основных начал Церкви.

Пожар в 1808 году в храме Гроба Господня и восстановление его, борьба за независимость греков — все это вместе взятое к концу этого периода разорило Иерусалимскую Патриархию отчасти непредвиденными расходами, а еще более уменьшением доходов. Кроме того, затруднительность положения Иерусалимской Патриархии еще усугублялась тем, что, благодаря постоянно усиливающемуся влиянию европейской дипломатии на внутренние дела Турецкой империи, борьба Патриархии с латинянами в Святой Земле становилась с каждым годом затрудни-

тельнее и к вековому врагу присоединился еще новый враг Православия — протестантская пропаганда, опасная не сама по себе, а по заступничеству за нее Англии и впоследствии Германии.

В статье моей «Православие в Святой Земле»[1] я подробно изложил, как возникла иноверная пропаганда, какими средствами и оружием она борется, — не стану здесь вновь повторять сказанного.

Представленные общие черты достаточны, чтобы составить себе понятие об общем положении Иерусалимской Патриархии к концу тридцатых годов (XIX столетия. — *Ред.*). С одной стороны, желание во что бы то ни стало сохранить Патриархию национально греческою, с другой — усиленная борьба с латинянами и новым врагом: протестантами.

Знало ли наше Константинопольское посольство об изменении положения Иерусалимской Патриархии и считало ли оно необходимым принять против этого какие-либо меры, мне, для которого закрыт архив Министерства иностранных дел, неизвестно; но полагаю, что не знало или, вернее, не сознавало ясно, выводя это из самого хода дальнейших событий. Назначение в 1839 году русского Генерального консула в Бейруте, в ведение которого входил и Иерусалим, было вызвано исключительно политическими событиями. К тому же назначение консула в Бейрут, отстоявший в то время на слишком утомительный недельный переезд от Иерусалима, ясно изобличало, что назначение это не имело никакого серьезного отношения к Иерусалимской Патриархии, Патриарх которой жил к тому же почти постоянно в Константинополе.

Еще более наглядным доказательством, что сведение об изменившемся положении Иерусалимской Патриархии исходило не от нашего посольства, служит то обстоятельство, что меры для уяснения этого положения были навеяны на наше Министерство иностранных дел западною дипломатиею. Это подтверждается сопоставлением чисел последующих событий.

Едва в декабре 1840 года последний египетский солдат покинул Палестину, как прусское правительство обратилось 12/24 февраля 1841 года циркулярно к пяти великим державам с несколько фантастическим проектом, в котором предлагало:

1. Освобождение христиан от всех поборов при посещении святых мест.
2. Подсудность их исключительно христианским резидентам.
3. Владение святыми местами переходит к пяти державам за вознаграждение, уплачиваемое нынешним владельцам оных. Сион укрепляется, и в нем помещается гарнизон по 60 человек от каждой великой державы. Гора Мориа оставляется туркам.
4. Христиане образуют четыре общины: католическую, греческую, армянскую и евангелическую.
5. Назначаются три резидента: один попеременно Франциею и Австриею — для католиков, другой Россиею — для греков и армян, и третий попеременно Англиею и Пруссиею — для последователей евангелического вероисповедания.

На это циркулярное предложение прусского правительства Франция совсем не отвечала, Англия отвечала уклончиво, Австрия предоставила себе <возможность> выждать ответы Лондона и Петербурга.

Одна Россия в трех последовательных нотах от 20-го, 25 февраля и 12 марта 1841 года отвечала весьма категорически на прусские предложения.

«Сообщение их, — писал граф Нессельроде[2], — произвело на Государя Императора тяжелое и болезненное впечатление. В Иерусалиме, где на 15 тысяч жителей всего 1 тысяча христиан, созидается status in statu».

---

[1] Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле. СПб., 1881 // Православный Палестинский Сборник (ППС). Т. 1. Вып. 1.

[2] Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — граф, канцлер; в 1817—1856 годах министр иностранных дел.

Военные суда в Яффе, в двух переходах от Иерусалима, не будут в состоянии поддержать в случае надобности Сионский гарнизон. Вражда греков и латинян имеет основанием ненависть и высокомерие латинян, которые препятствуют всякому соглашению. В заключение Русское правительство находило целесообразным принятие следующих мероприятий:

1. Издание нового гатти шерифа, подтверждающего прежние договоры и привилегии.

2. Назначение в Яффе или в Иерусалиме мушира для Палестины, с поручением поддерживать в оной порядок.

3. Положительное запрещение христианскому духовенству продолжать старые споры.

4. Запрещение мулле и кади вымогать подарки у христиан, когда сии последние домогаются освобождения от насилий, которыми они подвергаются.

5. Иерусалимский Патриарх, удалившийся ради своей безопасности в Константинополь, должен возвратиться в Иерусалим для поддержания там дисциплины.

6. Всякое нововведение заранее отвергается. Разрешение спорных вопросов предоставляется смешанной комиссии из местного губернатора, настоятелей латинского и армянского монастырей и греческого комиссара.

7. Церкви и монастыри будут возобновлены.

8. Турецким солдатам, стоящим на страже у христианских храмов, запрещается вход в оные.

9. Русские поклонники пользуются особою защитой.

10. Русское духовенство получает право содержать в Иерусалиме богоугодные заведения и ему передается один из старых монастырей.

Мне кажется, что, может быть, было бы лучше вовсе отклонить прусское предложение, чем отвечать на него таким же фантастическим контрпроектом, доказавшим наглядно, что писавшее его Министерство иностранных дел имело только смутное понятие о положении иерусалимских дел, а поэтому и меры, предлагаемые им, отличались еще большею туманностью, чем даже прусские предложения.

Никогда никто в Иерусалиме не угрожал безопасности Патриарха, а потому и покидать его по этой причине не было у него повода (п. 5). Патриархи Иерусалимские жили в Константинополе, чтобы быть ближе к центральной власти и своим главнейшим доходам с имений Молдо-Влахийских и Бессарабских.

Интересно было бы увидеть, как *практически* осуществилось бы запрещение христианскому духовенству продолжать старые споры (п. 3), а иерусалимским мулле и кадию брать взятки (п. 4). Затем решительно определяя, что всякое нововведение заранее отвергается, русское предложение вслед за этим предлагало коренное нововведение смешанной комиссии (п. 6), проектированный состав которой, с замечательным неведением иерусалимских дел, передавал Православие и православных в руки иноверных общин. Предположим самый обыденный в Палестине спор между латинянами и православными о праве владения теми или другими святыми местами. Кто являлся судьею в этом споре кроме заинтересованных сторон? — Местный же губернатор, неподкупность которого была более чем подвержена сомнению, и вводился новый судья — настоятель армянского монастыря. Но такой в Иерусалиме, где есть армянский Патриарх, едва ли существует, и, во всяком случае, он играет более чем второстепенную роль. Таким образом, если необходимо было вводить новый элемент в бесконечные распри латинян и православных, то следовало бы, выражаясь точно, внести в смешанную комиссию не какого-то неизвестного настоятеля армянского монастыря, а представителя Иерусалимской Армянской Патриархии, который, если бы даже согласился участвовать в чуждых для него спорах, бесспорно, клонился бы в ту сторону, которая представляла для него наиболее выгод. Но замечательнее всего и обнаруживающее наибольшее незнание местных обстоятельств есть введение нового лица — греческого комисса-

ра. Я мог бы понять выражение: представитель Иерусалимской Патриархии, который по турецким государственным законам есть представитель интересов местной православной общины. Я мог бы даже понять: православный комиссар, предполагая избранного местною православною общиною, но греческого комиссара мог предложить только тот, для которого Греческое Королевство и Иерусалимская Патриархия представлялись тождественными или какими-то отвлеченными понятиями.

Не останавливаясь затем на невольно возбуждаемых вопросах, как например: возобновление *каких именно* церквей и монастырей было желательно Русскому правительству (п. 7); *как поступать* в том случае, когда сами христиане принуждены призвать турецкую стражу в христианские храмы для собственной своей защиты (п. 8), как это ежегодно случается в Великую Субботу или случилось в 1873 году в Вифлееме. Нельзя однако же не признаться, что в этом документе проведены некоторые начала, которые дотоле не слышались в наших сношениях с Иерусалимскою Патриархиею.

Эти начала выражаются прежде всего в необходимости ввести в Иерусалимской Патриархии дисциплину (п. 5), в которой, значит, она нуждалась; обеспечение русских поклонников особою защитою (п. 9), так как существовавшая дотоле защита их Иерусалимскою Патриархиею оказывалась, вероятно, недостаточною; сомнение в том, что Патриархия целесообразно употребляла получаемые ею из России средства и, наконец, поручение употреблять их непосредственно представителю или представителям русского духовенства, для помещения которых Иерусалимская Патриархия должна уступить один из принадлежащих ей старых монастырей.

Таким образом, в ноте графа Нессельроде впервые было высказано недоверие к Иерусалимской Патриархии и сознание необходимости иметь в Иерусалиме представителя не дипломатического консула, а специально духовного, и не только временного, а постоянного.

Но, выражая это сознание, Министерство иностранных дел едва ли отдавало себе отчет, в каком положении явится в Святой Земле русское духовенство, которое, как православное, могло явиться и действовать там только при согласии на то Иерусалимской Патриархии.

Добровольного согласия на постоянное присутствие в Иерусалиме русского духовенства едва ли можно было ожидать от Патриархии, для которой оно являлось соглядатаем, к тому же не всегда удобным. Возвыситься до высокого идеала бескорыстного служения Православию Патриархия по историческим судьбам своим не была в состоянии, тем более, что, под наитием западной идеи о национальностях, она начинала мечтать о будущих судьбах Греции и в свою очередь недоверчиво относиться к России. Если добровольного согласия нельзя было ожидать, оставалось, конечно, согласие вынужденное, которое Россия, по своему политическому значению, а еще более по денежному своему влиянию на Иерусалимскую Патриархию, могла бы, конечно, получить, но каково оказалось бы в Святой Земле положение незваного и непрошеного представителя России? Сделать это положение несколько сносным возможно было лишь при постоянной и сильной поддержке его нашими посольством и министерством.

Все это едва ли имел в виду граф Нессельроде, когда писал ноту 12 марта 1841 года, которой суждено было увеличить только число неосуществившихся предположений.

Что касается до прусского предложения, то, потерпев в первоначальном своем виде тоже фиаско, оно привело к евангелическо-англиканскому союзу, которому составители его придавали тогда такое громадное значение и видимым результатом которого оказалось учреждение 7/19 июля 1841 года англиканско-евангелического епископства в Иерусалиме. В ином месте мне пришлось подробно изложить

возникновение и судьбы этого епископства, не стану возвращаться к ним здесь, присовокупив только, так как числа играют некоторую роль в дальнейшем ходе событий, что вновь посвященный епископ Александр в конце января 1842 года торжественно въехал в Иерусалим.

Но и граф Нессельроде не отказался от своей идеи и представил всеподданнейший доклад (приложение 1), в котором не только мусульманское владычество, но главнейшие стремления иноверных пропаганд и недостаточность нравственных и материальных средств греческого духовенства в борьбе против этих пропаганд он считал причинами бедственного положения Православия в Святой Земле. Действительною мерою для поддержания Греческой Церкви граф Нессельроде признавал присутствие в Иерусалиме русского духовного лица, которое по сану своему удобнее светского человека мог бы вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви, послужить ближайшим посредником между Святейшим Синодом (Русской Православной Церкви. — *Ред.*) и Иерусалимскою Патриархиею и иметь хотя поверхностное наблюдение за полезным употреблением собираемых в России для Гроба Господня денег.

Мера эта, писал далее во всеподданнейшем своем докладе граф Нессельроде, не приводилась доселе в исполнение из опасения возбудить подозрение Порты и зависть западных держав, но назначение протестантского епископа в Иерусалим делает осуществление ее необходимою. Но, прибавляет канцлер, в виду разных политических соображений, а также недоверчивости и личных видов самого греческого высшего духовенства, гласное отправление русского духовного лица имеет свои неудобства. Поэтому он полагал отправить в Иерусалим с этою целью, только в виде испытательной меры, архимандрита в качестве поклонника, которому <следовало> поручить войти в доверие тамошнего духовенства, вникнуть в положение Православной Церкви и обо всем этом, а равно и о своих предположениях для поддержания Православия, доносить через посредничество нашего Бейрутского консула, так как сему последнему ближе известны политические обстоятельства, с которыми надлежит сообразовывать духовные дела.

Всеподданнейший доклад этот был Высочайше утвержден 13 июня 1842 года.

Останавливаясь на этом документе как на первом переходе на практическую почву мысли о Русской Духовной Миссии, нельзя не заметить, что вопрос в оном был поставлен правильно. Вникнуть в церковные дела, послужить посредником между Святейшим Синодом и Иерусалимской Патриархией, наконец, иметь наблюдение за расходованием сумм, получаемых для Святого Гроба из России, конечно, ближе и полезнее всего могло и может лицо духовного воспитания, и жизнью к тому подготовленное.

Но, поставив правильно вопрос, нельзя признать предложенный во всеподданнейшем докладе способ практического его осуществления целесообразным. Опасения возбудить подозрение Порты и зависть западных держав, особенно после назначения англиканского епископа, едва ли можно признать серьезными. Оставалось лишь устранить недоверие греческого высшего духовенства, но это, как выше сказано, устранить едва ли представлялось возможным, зато побороть его в то время представлялось весьма легким. Вместо того Министерство иностранных дел прибегло к палмативным мерам, которые даже нельзя признать вполне достойными правительства. Тайная посылка соглядатаем лица духовного, к тому же под личиною поклонничества, едва ли можно назвать приличною. Но кроме сего тут эта мера представляла крупную ошибку потому, что, во-первых, тайное соглядатайство, конечно, тайною не могло остаться ни для кого, а менее всего для греческого духовенства, а во-вторых, потому, что указывала на боязнь <Русского> правительства перед Патриархиею, которая постоянно в нас нуждалась и которой, с полной уверенностью в успехе, мы могли бы в свою очередь предъявлять свои желания.

Кроме того, слышится и в этом первом документе будущей нашей Духовной Миссии *нотка*, с которою нам придется впоследствии еще часто встречаться. Навеяна ли она была нашим Константинопольским посольством, составляла ли она самостоятельно выработанное нашим Министерством иностранных дел основное положение, я затрудняюсь сказать, хотя думаю, что исходила она из Константинополя. Нотка эта — политические обстоятельства, с коими надлежит сообразовывать и духовные дела; иными словами, подчинение наших сношений с Восточными Патриархатами исключительно ведению наших дипломатических агентов. Правильно ли это основное положение или нет, я в настоящее время подробно разбирать не стану. Лично я полагаю, что положение это основано лишь на мелочном самолюбии наших заграничных представителей. Церковь имеет свою историю и свои предания, не знать которые нельзя при решении вопросов, затрагивающих отдельные части ее. Ни этой истории, ни этих преданий наши дипломатические агенты на Востоке знать не могут, к тому <же> разрешать церковные вопросы *может лишь человек, глубоко верующий и с особенным уважением относящийся к Церкви, а этих качеств можно требовать лишь от лица духовного, и они вовсе не составляют необходимости для хорошего дипломатического чиновника.* Хороший диагност-врач может в случае крайней необходимости сделать хирургическую операцию, для которой однако же всегда предпочтительнее призвать врача-хирурга.

Но, возвращаясь после этого невольного отступления к всеподданнейшему докладу, нельзя не заметить, что, правильный в основной мысли, он грешил в практическом применении. Чего именно желал граф Нессельроде? Если иметь точные сведения от лица специально подготовленного о действительном положении Иерусалимской Патриархии, то для сего, если он не доверял своим чиновникам, достаточно было, по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода, избрав подходящее духовное лицо и призвав его к себе в кабинет, сказать: «Мне нужны такие-то сведения, поезжайте богомольцем в Иерусалим и все, что вы узнаете, сообщите мне». Это бы знали в крайнем случае три лица и можно надеяться, что тайна была бы сохранена. Если, наоборот, он желал сделать политический противовес назначению англиканского епископа, то тайна была неуместна, показывая только наше бессилие и нашу боязнь.

Очевидно, графу Нессельроде желательно было последнее, но меры, им принятые для осуществления этого желания, заранее были обречены на бесплодие.

Состоявшееся Высочайшее повеление было заслушано 26 июня того же года в Святейшем Синоде, который постановил возложить это поручение на архимандрита Порфирия (Успенского).

Глава I

Отчего выбор Синода пал именно на него, определить более чем трудно. При этом назначении имелись, может быть, личные соображения, ключ к которым в настоящее время потерян. Преосвященный Порфирий, по крайней мере, лично утверждал, что такое назначение было для него совершенною неожиданностью, и последующие обстоятельства подтверждают сказанное им[3].

---

[3] В июле 1842 года, в Вене, архимандриту Порфирию снился вещий сон. Ему явился император Александр I и сказал: «Ты знаешь, что в первые годы моего правления Грузия присоединена к моему царству?» — «Знаю, Ваше Величество!» — отвечал я. — «Там, на Востоке, — продолжал он, — люди живут как в Авраамов век: им нужно образование». Месяц спустя он получил отношение о вызове в Петербург и лишь там узнал о своей новой, палестинской командировке. (Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. СПб., 1894. Том 1. С. 105).

Были ли другие кандидаты для этого поручения и насколько они оказались бы более подходящими, тоже, за неизвестностью их, определить трудно. Можно отвечать только на один вопрос: насколько был подготовлен сам архимандрит Порфирий к предполагаемой для него роли.

Уроженец Костромской губернии, архимандрит Порфирий воспитывался в Костромской Духовной Семинарии и в Санкт-Петербургской Духовной Академии, по выходе из которой в 1829 году он принял монашество и, по рукоположении в иеромонахи, в том же году был определен преподавателем Закона Божьего во 2-й Петербургский кадетский корпус, в 1831 году переведен на ту же должность в Одесский Ришельевский лицей. Здесь провел он почти десять лет, будучи возведен в 1834 году в сан архимандрита с назначением настоятелем Одесского Успенского второклассного монастыря. В 1837 году архимандрит Порфирий был назначен членом Херсонской Духовной консистории, а затем, с преобразованием Ришельевского лицея, утвержден в нем <в 1838 г.> профессором богословия, церковного права и церковной истории. Отсюда назначен был настоятелем посольской церкви в Вене, куда отправился в начале 1842 года[4].

Таким образом, архимандрит Порфирий оказался человеком науки, кабинета, но вовсе не человеком практической деятельности, к которой его не подготовило ни воспитание, ни жизнь, ни сам его характер — слишком прямой, решительный и своеобычный, каким он остался до конца своих дней.

Все эти данные едва ли делали его желанным человеком для возлагаемого на него поручения и не выкупались его бесспорно замечательным знанием греческого языка и церковной истории.

Здесь, в Вене, где он только что был занят, после лета, проведенного в лечении на водах, устройством предстоящей ему жизни, получил он синодский указ, вызвавший его в Россию и представлявший ему в перспективе неопределенное по своей продолжительности пребывание на Востоке, известном ему только по книгам.

Историческая судьба нашего монашества не приучила его к той дисциплине, к которой привыкло латинское монашество и которая составляет силу сего последнего. Нас же, светских людей, очень обыкновенная и нисколько не поражающая вещь невольно приводит в изумление, когда мы ее встречаем среди монашествующих.

Таким образом, совершенно обыкновенное в нашей среде обстоятельство едва не повлекло к отмене состоявшегося предположения. Архимандрит Порфирий, устраиваясь в Вене, задолжал, рассчитывая со временем расплатиться из получаемого им содержания. Неожиданный выезд из Вены, куда он не рассчитывал более возвратиться, заставил его по получении синодского указа просить о выдаче ему пособия в размере 500 рублей для расплаты с долгами преимущественно за купленные книги[5].

Просьба о пособии возбудила прежде всего неудовольствие в Петербурге, а затем, конечно, вопрос, *кто* должен платить эти деньги.

Командировка архимандрита Порфирия исходила из Министерства иностранных дел и только как состоявшееся Высочайшее повеление была объявлена Святейшему Синоду. Цель ее, как выражался граф Нессельроде, была по руководящему

---

[4] Архимандрит Порфирий ушел из Ришельевского лицея в том же 1838 году, так как был назначен ректором Херсонской Духовной Семинарии в Одессе. (Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1891. С. 160), а в Вену отправился в первых числах мая 1841 года. (Безобразов П. В. (ред.) Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1910. Т. 2. Переписка. С. 20).

[5] Письмо графу Н. А. Протасову от 10 августа 1842 года. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 73—75).

Кроме того, слышится и в этом первом документе будущей нашей Духовной Миссии *нотка*, с которою нам придется впоследствии еще часто встречаться. Навеяна ли она была нашим Константинопольским посольством, составляла ли она самостоятельно выработанное нашим Министерством иностранных дел основное положение, я затрудняюсь сказать, хотя думаю, что исходила она из Константинополя. Нотка эта — политические обстоятельства, с коими надлежит сообразовывать и духовные дела; иными словами, подчинение наших сношений с Восточными Патриархатами исключительно ведению наших дипломатических агентов. Правильно ли это основное положение или нет, я в настоящее время подробно разбирать не стану. Лично я полагаю, что положение это основано лишь на мелочном самолюбии наших заграничных представителей. Церковь имеет свою историю и свои предания, не знать которые нельзя при решении вопросов, затрагивающих отдельные части ее. Ни этой истории, ни этих преданий наши дипломатические агенты на Востоке знать не могут, к тому <же> разрешать церковные вопросы *может лишь человек, глубоко верующий и с особенным уважением относящийся к Церкви, а этих качеств можно требовать лишь от лица духовного, и они вовсе не составляют необходимости для хорошего дипломатического чиновника*. Хороший диагност-врач может в случае крайней необходимости сделать хирургическую операцию, для которой однако же всегда предпочтительнее призвать врача-хирурга.

Но, возвращаясь после этого невольного отступления к всеподданнейшему докладу, нельзя не заметить, что, правильный в основной мысли, он грешил в практическом применении. Чего именно желал граф Нессельроде? Если иметь точные сведения от лица специально подготовленного о действительном положении Иерусалимской Патриархии, то для сего, если он не доверял своим чиновникам, достаточно было, по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода, избрав подходящее духовное лицо и призвав его к себе в кабинет, сказать: «Мне нужны такие-то сведения, поезжайте богомольцем в Иерусалим и все, что вы узнаете, сообщите мне». Это бы знали в крайнем случае три лица и можно надеяться, что тайна была бы сохранена. Если, наоборот, он желал сделать политический противовес назначению англиканского епископа, то тайна была неуместна, показывая только наше бессилие и нашу боязнь.

Очевидно, графу Нессельроде желательно было последнее, но меры, им принятые для осуществления этого желания, заранее были обречены на бесплодие.

Состоявшееся Высочайшее повеление было заслушано 26 июня того же года в Святейшем Синоде, который постановил возложить это поручение на архимандрита Порфирия (Успенского).

Глава I

Отчего выбор Синода пал именно на него, определить более чем трудно. При этом назначении имелись, может быть, личные соображения, ключ к которым в настоящее время потерян. Преосвященный Порфирий, по крайней мере, лично утверждал, что такое назначение было для него совершенною неожиданностью, и последующие обстоятельства подтверждают сказанное им[3].

---

[3] В июле 1842 года, в Вене, архимандриту Порфирию снился вещий сон. Ему явился император Александр I и сказал: «Ты знаешь, что в первые годы моего правления Грузия присоединена к моему царству?» — «Знаю, Ваше Величество!» — отвечал я. — «Там, на Востоке, — продолжал он, — люди живут как в Авраамов век: им нужно образование». Месяц спустя он получил отношение о вызове в Петербург и лишь там узнал о своей новой, палестинской командировке. (Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. СПб., 1894. Том 1. С. 105).

Были ли другие кандидаты для этого поручения и насколько они оказались бы более подходящими, тоже, за неизвестностью их, определить трудно. Можно отвечать только на один вопрос: насколько был подготовлен сам архимандрит Порфирий к предполагаемой для него роли.

Уроженец Костромской губернии, архимандрит Порфирий воспитывался в Костромской Духовной Семинарии и в Санкт-Петербургской Духовной Академии, по выходе из которой в 1829 году он принял монашество и, по рукоположении в иеромонахи, в том же году был определен преподавателем Закона Божьего во 2-й Петербургский кадетский корпус, в 1831 году переведен на ту же должность в Одесский Ришельевский лицей. Здесь провел он почти десять лет, будучи возведен в 1834 году в сан архимандрита с назначением настоятелем Одесского Успенского второклассного монастыря. В 1837 году архимандрит Порфирий был назначен членом Херсонской Духовной консистории, а затем, с преобразованием Ришельевского лицея, утвержден в нем <в 1838 г.> профессором богословия, церковного права и церковной истории. Отсюда назначен был настоятелем посольской церкви в Вене, куда отправился в начале 1842 года[4].

Таким образом, архимандрит Порфирий оказался человеком науки, кабинета, но вовсе не человеком практической деятельности, к которой его не подготовило ни воспитание, ни жизнь, ни сам его характер — слишком прямой, решительный и своеобычный, каким он остался до конца своих дней.

Все эти данные едва ли делали его желанным человеком для возлагаемого на него поручения и не выкупались его бесспорно замечательным знанием греческого языка и церковной истории.

Здесь, в Вене, где он только что был занят, после лета, проведенного в лечении на водах, устройством предстоящей ему жизни, получил он синодский указ, вызвавший его в Россию и представлявший ему в перспективе неопределенное по своей продолжительности пребывание на Востоке, известном ему только по книгам.

Историческая судьба нашего монашества не приучила его к той дисциплине, к которой привыкло латинское монашество и которая составляет силу сего последнего. Нас же, светских людей, очень обыкновенная и нисколько не поражающая вещь невольно приводит в изумление, когда мы ее встречаем среди монашествующих.

Таким образом, совершенно обыкновенное в нашей среде обстоятельство едва не повлекло к отмене состоявшегося предположения. Архимандрит Порфирий, устраиваясь в Вене, задолжал, рассчитывая со временем расплатиться из получаемого им содержания. Неожиданный выезд из Вены, куда он не рассчитывал более возвратиться, заставил его по получении синодского указа просить о выдаче ему пособия в размере 500 рублей для расплаты с долгами преимущественно за купленные книги[5].

Просьба о пособии возбудила прежде всего неудовольствие в Петербурге, а затем, конечно, вопрос, *кто* должен платить эти деньги.

Командировка архимандрита Порфирия исходила из Министерства иностранных дел и только как состоявшееся Высочайшее повеление была объявлена Святейшему Синоду. Цель ее, как выражался граф Нессельроде, была по руководящему

---

[4] Архимандрит Порфирий ушел из Ришельевского лицея в том же 1838 году, так как был назначен ректором Херсонской Духовной Семинарии в Одессе. (Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1891. С. 160), а в Вену отправился в первых числах мая 1841 года. (Безобразов П. В. (ред.) Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1910. Т. 2. Переписка. С. 20).

[5] Письмо графу Н. А. Протасову от 10 августа 1842 года. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 73—75).

тогда мнению скорее политическая, чем духовная; тем не менее Министерство иностранных дел отказалось принять на себя расходы по этой командировке, которые, как возлагаемые на лицо духовное, по его мнению, должны быть отнесены на счет ординарных расходов Святейшего Синода, на что сей последний и выразил свое согласие.

Уведомляя архимандрита о назначении 500 рублей на уплату его долгов в Вене, обер-прокурор Святейшего Синода делал ему выговор за неуместную просьбу о пособии и торопил его приездом в Петербург ввиду важности и спешности возлагаемого на него поручения. Исполняя эту последнюю часть приказания начальства, архимандрит Порфирий прибыл в начале октября 1842 года в Петербург[6], а 14 ноября того же года последовало Высочайшее повеление об отправлении его в Иерусалим для пребывания там в качестве поклонника ко Гробу Господню.

Но прошло еще слишком полгода, прежде чем архимандрит Порфирий мог покинуть Петербург для исполнения возложенного на него поручения.

Вызов архимандрита из Вены и продержание его без дела шесть месяцев в Петербурге — все это как-то не клеится с таинственностью, которою облекали его командировку. Глубоко убежден, что в Константинопольской и Иерусалимской Патриархиях было известно, для чего вызван, куда и с чем едет архимандрит Порфирий задолго заранее, чем он покинул Петербург[7].

Граф Нессельроде в письме к обер-прокурору Святейшего Синода от 31 марта 1843 года (приложение 2) глухо говорит о политических обстоятельствах, заставляющих отложить на некоторое время отъезд архимандрита и настолько важных, что ввиду их признавал неудобным даже снабдить его письменными наставлениями касательно возлагаемого на него поручения[8]. Но не прошло и двух месяцев, как политические обстоятельства настолько, вероятно, разъяснились, что было найдено возможным архимандриту немедленно отправиться в Одессу, где в ожидании дальнейших распоряжений ему предложено было заниматься новогреческим языком, который оказывался для него крайне необходимым. Но и это одесское пребывание продолжилось еще четыре месяца и только в конце сентября

---

[6] 11 октября 1842 года. См.: Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. СПб., 1894. Т. 1. С. 103.

[7] Ни о какой секретности говорить не приходится. Еще до выезда из Вены, а тем более до официального назначения, архимандрит Порфирий был извещен о своем возможном перемещении на Ближний Восток кем-то из одесских (!) своих друзей. В первый день, как только он появился в Петербурге, монахи Александро-Невской Лавры, к его удивлению, «поздравляли его с назначением в Святой Град в сане епископа». (Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. С. 120). Не удивительно, что, прибыв из Петербурга в Одессу, по пути следования в Иерусалим, в июле 1843 года, архимандрит, по его собственным словам, уже был «предметом пререканий». «Одни почитают и называют меня епископом Иерусалимским; другие говорят, что меня посвятят в епископы в самом Иерусалиме, а все единогласно твердят, что я послан в Святой Град по поводу появления там епископа протестантского. Молва о сем, предварившая меня на пути от Петербурга до Киева и оттуда до Одессы, вышла Бог знает как и от кого из столицы и давно достигла до Одессы в преувеличенном виде». (Письмо К. С. Сербиновичу // Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 83).

[8] «На другой день (28 марта 1843 года) я виделся с ним (В. П. Титовым, тогда секретарем Константинопольской миссии), и он объявил мне секретно, что по некоторым неблагоприятным политическим отношениям России и Турции не отправляют меня доселе к месту моего назначения, и что, по всем вероятностям, я должен пробыть в Одессе все лето до сентября. «Вас не хотят, — прибавил он, — поставить в фальшивое положение»» (Порфирий (Успенский). Указ. соч. Т. 1. С. 118). Но уже 4 мая директор Азиатского департамента МИД Л. Г. Сенявин сообщал отцу Порфирию: «Сербские дела кончены мирно. Теперь вы можете ехать в Иерусалим» (Там же. С. 119—120). На другой день в Департаменте состоялось совещание отца Порфирия с Л. Г. Сенявиным и В. П. Титовым. Отец Порфирий получил разрешение задержаться в Одессе до «самой осени».

1843 года, через год почти по прибытии в Россию, архимандрит Порфирий мог вновь покинуть ее[9].

Вникая ближе в причины, которые принуждали откладывать изо дня в день в течение почти года командировку архимандрита Порфирия, мы должны сознаться, что едва ли играли в них роль политические обстоятельства, которые к тому же сомнительно, чтоб могли оказать какое-либо влияние на поездку в Святой Град русского архимандрита в качестве поклонника. Мне кажется более правдоподобным, что минутная вспышка под впечатлением въезда английского епископа в Иерусалим успела потухнуть, самое впечатление затмилось другими, более современными, к тому же и самая командировка, задуманная и осуществленная помимо нашего Константинопольского посольства, возбудила недоверие в сем последнем. Что это за духовное лицо, которое шлется из Петербурга с поручением, составляющим прямую нашу обязанность? Ну, а если он разойдется во взглядах с нами или напишет не то, что мы сообщаем, потребуется переписка и отписка? Нет, лучше без него. Такие или им подобные мысли могли придти в голову посольству и тогда началась общая канцелярская уловка, выражение сомнений, опасений, разного рода препятствий. Министерство иностранных дел, которое под первым впечатлением не в добрый час затеяло эту командировку, радо бы было от нее отказаться и о ней забыть, если бы не Высочайшее повеление и неспокойный характер архимандрита, которому скучно было без дела сидеть в Александро-Невской Лавре и который изо дня в день появлялся в приемных то обер-прокурора Святейшего Синода, то директора Азиатского департамента и напоминал о себе. Инструкций ему не давали, с делом его не знакомили и в течение шести месяцев ему удалось только выхлопотать разрешение своему послушнику Ивану Будземскому сопровождать его в предстоящем путешествии. Вопрос о его содержании во время командировки разрешился Высочайшим повелением: отнести его на общий типографский капитал Духовного ведомства в размере 3 тысяч рублей в год — и это в то время, когда ежегодное содержание англиканского епископа было определено в 15 тысяч рублей.

Просьба архимандрита выдать ему и его послушнику вместо дорого стоившего тогда заграничного паспорта таковой из Министерства иностранных дел потерпела полное фиаско. Сие последнее даже испугалось мысли, что при этом может вдруг разоблачиться таинственное поручение архимандрита и не только отказало ему в курьерском паспорте, но, по совету нашего Константинопольского посланника, предписало ему, для отвращения напрасных толкований, не останавливаться в Буюк-дере, а следовать на одесском пароходе прямо в Перу и поместиться в отделении дома нашей Миссии, предназначенного для поклонников[10].

---

[9] Есть основание думать, что об оставленном до осени в Одессе отце Порфирии в Петербурге опять просто забыли. Дальнейший его путь — вновь результат личной инициативы.

10 сентября 1843 года он пишет К. С. Сербиновичу: «Не получая никаких сведений от Херсонского Преосвященного (архиепископа Гавриила) и никакого предписания от высшего духовного начальства касательно выезда моего из Одессы в Иерусалим и рассчитывая, что уже настоит время отправиться на богомолье, я испросил себе заграничный паспорт у одесского военного губернатора и намерен отплыть в Константинополь на пароходе, отходящем туда в 20-й день сентября, о чем уведомляю Ваше Превосходительство». (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. Переписка. С. 87—88).

[10] Буюк-дер — летняя загородная резиденция российского посла. Пера — «европейский» район в Константинополе, где преимущественно жили иностранцы и находились дипломатические представительства, в том числе основные официальные помещения Российского посольства. Позже, в бытность русским послом в Константинополе графа Н. П. Игнатьева, в Буюк-дере была устроена вторая посольская церковь, иконы для которой присланы были из Иерусалима архимандритом Антонином (Капустиным). (Дмитриевский А. А. Граф Н. П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909. С. 73—75).

С незначительными денежными средствами, под видом простого поклонника, от которого почти явно отказывалось наше посольство, явился архимандрит Порфирий в Константинополь, где пробыл опять четыре месяца в ожидании обещанного для предстоящего ему труда наставления или инструкции, которая, наконец, была ему вручена нашим посланником только 27 января 1844 года (приложение 3) в своеобычной форме советов[11]. В этих советах прежде всего поражает непосвященного в тонкости дипломатического языка самая форма их. Архимандриту Порфирию советуют избегать всего, могущего обратить на него постороннее внимание, но одновременно чуждаться излишней таинственности; приветливо слушать сознания туземцев, но не тревожить их настойчивыми расспросами; удостоверять восточных иерархов в участии к ним главнейших российских иерархов, называя их поименно, но при этом не столько говорить о России, сколько о Единой Церкви; показывать радушие к лицам других исповеданий, но не входить с ними в короткое обращение; собирать сведения о ходе духовного образования юношества и об употреблении сумм, пересылаемых из России, но удерживаться от всякого постороннего вмешательства. Затем излагается целый ряд отрицательных советов: ограничивать свои речи самыми простыми и доступными истинами, не быть строгим судьею палестинских единоверных иноков, не выходить из пределов поручения и, наконец, не увлекаться собственными соображениями, которые могут быть неудобоисполнимы и бесполезны. При всех этих оговорках, из которых последняя невольно даже в смиренном иноке могла возбудить вопрос: для чего же его вызывали из Вены, а тем более посылали на Восток, советы разрешали ему убедить самых недоверчивых людей, что в возложенном ему поручении не кроется ничего опасного, беспристрастно сообразить, кто главный виновник при взаимных жалобах духовенства разных вероисповеданий, и обдумать меры к упрочению Православия на Востоке.

Сопоставляя два последних документа — письмо графа Нессельроде от 31 марта 1843 года и советы Министерства иностранных дел, переданные нашим посланником архимандриту Порфирию 27 января 1844 года, мы увидим, что в первом из них определяется цель его командировки, а именно: 1) сблизиться с греческим духовенством и вникнуть в его положение и 2) приобрести на месте все нужные сведения, могущие послужить основанием при соображении мер, какие признано будет полезным принять для поддержания Православия на Востоке. Во втором из этих документов излагаются советы, как практически добиться вышеизложенных целей.

И здесь, как и при разборе всеподданнейшего доклада 13 июня 1842 года, приходится сказать, что цель была поставлена вполне правильно, но опасения, недомолвки, противоречия советов скорее могли спутать новичка в таком щекотливом деле, чем преподать ему практические указания к успешному исполнению возложенного на него поручения.

В Константинополе же архимандрит Порфирий, только как простой поклонник русский, представился почти умирающему Патриарху Иерусалимскому Афанасию[12],

---

[11] Архимандрит Порфирий прибыл в Константинополь 22 сентября 1843 года. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 90), отбыл из него 15 октября (Там же. С. 97), 23 октября уже был в Бейруте (Там же. С. 100), а 20 декабря — в Иерусалиме (Там же. С. 113). Что касается инструкции или «советов», о которых говорит В. Н. Хитрово, архимандрит получил их по почте, уже находясь в Иерусалиме. Об этом 14 февраля 1844 года отец Порфирий пишет Константинопольскому посланнику В. П. Титову: «Письмо ваше от 12 декабря с приложением *известной вам выписки* (Курсив наш. — *Н. Л.*), полученное мною 27 января, обрадовало меня много». (Там же. С. 119).

[12] В рукописи ошибочно: «Анфиму».

который едва ли, даже если бы архимандрит не сохранял свое инкогнито, мог быть полезен ему в предстоящем деле[13].

Тогда сообщения были затруднительнее нынешних, и, выехав в последних числах января из Константинополя, архимандрит Порфирий по дороге, в Бейруте, познакомился с нашим генеральным консулом Базили, с которым он затем в течение почти десяти лет сохранял дружеские отношения[14]. Вообще Бейруту посчастливилось относительно русских консулов, и Базили представлял утешительное явление не только своею энергией и тактом, но, что гораздо реже встречается, желанием ознакомиться с тою средою, в которой ему приходится жить. В предшествовавшее пятилетнее пребывание свое в Бейруте Базили успел многому научиться и не отказался поделиться приобретенными познаниями с архимандритом. Он даже сочувственно отнесся к нему, признав в нем полезного себе помощника, хотя, по его мнению, — подчиненного. Архимандрит же Порфирий, как новичок в деле, принял весьма благоразумно такое положение, которого резкость умерялась далеким расстоянием от Иерусалима до Бейрута.

Только к Пасхе 1844 года смиренно прибыл архимандрит Порфирий в Иерусалим, где поселился в Архангельском монастыре с прочими русскими поклонниками. Какое различие с торжественным въездом епископа Александра[15]!

В Иерусалиме прожил архимандрит Порфирий остальные десять месяцев 1844 года[16]; времени, <для> осторожного даже, изучения положения Православия было достаточно, и нет сомнения, что он собрал все желаемые по этому предмету сведения. Но, к сожалению, в доступных для меня материалах мне не удалось найти никаких по этому поводу следов[17].

Единственным официальным памятником первого пребывания в Святой Земле архимандрита Порфирия сохранилась записка о мерах для поддержания Православия на Востоке, переданная им нашему посланнику в Константинополе 6 января 1845 года (приложение 4), накануне его поездки с Высочайшего разрешения на Синай и Афонскую гору, предпринимаемую им исключительно с ученой целью.

---

[13] В письме от 14 октября 1843 года архимандрит Порфирий сообщает обер-прокурору Н. А. Протасову: «В кратковременное пребывание здесь удостоился, как поклонник, два раза видеть Патриархов — Вселенского Германа и Иерусалимского Афанасия, принять их святительское благословение и беседовать с ними (...). Хотя все они уже давно уверены в том, что я послан в Иерусалим от Святейшего Правительствующего Синода, но никто из них не высказал, что им известно мое назначение». (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. Переписка. С. 92—93). Вопреки мнению В. Н. Хитрово, отец Порфирий получил в Константинополе немало ценной информации, в том числе о положении Иерусалимского Престола, которую счел необходимым сразу же сообщить в цитированном письме в Петербург. (Там же. С. 94—96).

[14] Базили Константин Михайлович (1809—1884), русский дипломат и писатель, по происхождению константинопольский грек. Учился в Нежинском лицее в одно время с Н. В. Гоголем, с которым и впоследствии сохранил дружеские отношения. В 1839—1853 годах — российский консул в Бейруте (с 1844 года — генеральный). Автор книги «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях» (Одесса, 1862; 2-е изд.: СПб., 1875; 3-е изд.: М., 1962).

[15] Отец Порфирий приехал в Иерусалим, как мы уже отмечали, 20 декабря 1843 года, поселился не в Архангельском, а в Феодоровском монастыре. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 115), и прибыл хотя, разумеется, «смиренно», как подобает приходить в Святой Град, но «здешнее сановное духовенство выходило за город встречать меня». (Там же).

[16] До августа, то есть восемь (а не десять) месяцев.

[17] Вопреки мнению В. Н. Хитрово, добрая половина первого тома изданных П. В. Безобразовым «Материалов для биографии епископа Порфирия (Успенского)» составляют различного рода записки и отчеты, представленные им в Петербурге в различные инстанции как результат командировки.

Для нашего труда эта записка важнее первой, содержание которой, если она существовала, не представляло, как следует предполагать, что-либо нового, не известного нашим консулу и посланнику, а значит и Министерству иностранных дел. Став в первый раз лицом к лицу с Восточною Патриархиею, архимандрит Порфирий, имея в виду преподанные ему советы, мог только указать на недостаточное материальное и нравственное положение Иерусалимской Патриархии; мог подтвердить недоверие ее к России, которое, вероятно, ему пришлось на себе испытать, и, наконец, как следует предположить по имеющейся у нас записке, выставить бедственное положение местного православного населения, в особенности полное отсутствие учебных учреждений.

Для нас важна поданная им нашему Константинопольскому посланнику записка как *результат* тех мероприятий, которые он, по годовом пребывании на Востоке, считал необходимыми для поддержания там Православия.

При подробном разборе ее нам во многих случаях придется исключить многое навеянное разными опасениями, которые ему приходилось рассеивать, и прибавить многое, на что архимандриту приходилось только намекать, предоставляя развить свою мысль впоследствии, если бы основная мысль была принята.

Основная же мысль его заключалась в том, чтоб образовать в Иерусалиме общежительный монастырь, поручив настоятелю его духовное представительство Святейшего Синода к Патриархиям Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской, и учредить в Иерусалиме русское консульство.

Состав монастыря он предполагал из настоятеля, не выше архимандрита, двух старших и двух младших иеромонахов, двух иеродиаконов, 12 послушников из воспитанников русских духовных училищ как певчих, монаха-пекаря и переводчика. На обязанность монастыря архимандрит предполагал возложить: передачу Святому Гробу всех пожертвований вещами и деньгами, раздачу пожертвований бедным палестинским христианам, нравственный надзор за русскими поклонниками, а равно и право наказывать их в случае надобности, обозрение тех помещений Иерусалимской Патриархии, где живут русские поклонники, и назначение лиц для сопутствия русских поклонников в Назарет и к Тивериадскому озеру.

Кроме этого нельзя не отметить, что одною из главных целей предполагаемого монастыря было устройство при нем иконописной мастерской и училища, в котором продолжали <бы> свое учение 12 русских послушников, а также воспитывались 4 мальчика из туземцев и 4 грека из посвященных Гробу Господню.

Для помещения этого монастыря архимандрит предполагал возможным купить или нанять Архангельский монастырь, если бы не было найдено полезным приобрести древнюю латинскую патриархию, пристроенную к Святогробскому храму, на покупку и переделку которой требовалось тогда до 100 тысяч рублей. На наше консульство, как видно, архимандрит Порфирий предполагал возложить только сношение с местною светскою властью и полицейские обязанности относительно русских поклонников вне монастыря. Как бы предвидя будущее, архимандрит решительно отклоняет всякое вмешательство консульства в дела монастыря, без особого на то приглашения сего последнего.

Монастырь, пишет он, не подчиняется консульству, которое отдает ему должное уважение, не вмешивается в монастырское управление, но хранит неприкосновенность прав монастыря. Ни монастырь, ни консульство, пишет он далее, ни в каких случаях не ищут перевеса друг перед другом в мнении греческого духовенства и действуют так, как бы у них была одна душа и одна воля.

Из юрисдикции, так сказать, Святогробского братства отец Порфирий оттягивал две вещи: предоставленное братству дотоле право наказывать наших поклонников и участие монастыря нашего в *определении* и *смене* игумена и игумении тех обителей Иерусалимской Патриархии, где останавливались наши паломники.

В общем нельзя не согласиться, что предположения архимандрита Порфирия были вполне целесообразны, согласны с достоинством России и с церковными иерархическими отношениями. Но нельзя не сознаться, что иной раз труднее переделать слово, чем самое дело, и от неточного слова страдает нередко дело. Таким образом и архимандрит Порфирий, предполагая образование Духовной Миссии, дал ей название монастыря, хотя его, как духовное лицо, должно было поражать неестественное положение монастыря с периодически переменяющеюся братиею. Но миссия представляла новое, непривычное слово, монастырь же был известен каждому. Таким же образом, если бы он вместо слова *консул*, с которым соединяются известные понятия, употребил бы *драгоман* или *секретарь* начальника Русской Духовной Миссии, то оно было бы точнее и не спутывало понятий.

Таким образом, предложение архимандрита Порфирия, высказанное в его записке, сводится к <образованию> Духовной Миссии или представительства Всероссийского Святейшего Синода перед тремя Восточными Патриархиями по церковным и благотворительным вопросам, причем дела с светскою властью поручаются лицу светскому — секретарю Миссии. В этой форме выраженное предложение имело бы, по моему мнению, лишь один крупный недостаток — это представительство одного лица перед тремя Патриархиями, простирающимися от гор Кавказских до Африканских озер. Очевидно такой круг деятельности был бы не по силам одного человека и, волею или неволею, ему пришлось бы ограничиться одною ближайшею Патриархиею — Иерусалимскою. Этим и следовало, мне кажется, ограничить предложение, выразив его словами: Духовная Миссия Всероссийского Святейшего Синода при Иерусалимской Патриархии по церковным и благотворительным делам и заведующая русскими поклонниками.

Такое предложение не представляет даже чего-либо небывалого. Апокрисиарии, или представители, связующие определенные части Церкви, существовали в Древней Церкви. Опасение, что духовное представительство наше вызовет такое же представительство при нашем Святейшем Синоде Восточных Патриархий, едва ли справедливо, и если бы даже осуществилось на деле, то я вижу в нем менее вреда, чем решение церковных дел лицами, вполне к ним неприготовленными, их непонимающими и относящимися к ним свысока.

Подав разобранную нами записку нашему Константинопольскому посланнику, архимандрит Порфирий отправился, как мы уже говорили, на Синай и Афон, классическое описание которых составляет плод его путешествия. В ноябре 1845 года, находясь на Афоне, он просил о продлении его пребывания за границей для научных трудов, в чем ему было отказано — под тем предлогом, что главная цель данного ему поручения на Востоке уже достигнута. 19 октября 1846 года архимандрит Порфирий вернулся в Петербург и вновь поселился в Александро-Невской Лавре.

Как послесловие к его первой командировке на Восток поднялось в августе 1847 года дело о взыскании с архимандрита 800 рублей за просроченный заграничный паспорт, кончившееся однако благополучно, сложением этого взыскания.

Глава II

Записка, поданная отцом архимандритом в январе 1845 года нашему посланнику в Константинополе, не осталась без последствий. При каких объяснениях она была сим последним препровождена в Министерство иностранных дел, нам неизвестно. Как следует предположить, в общих чертах объяснения эти были не противны предположениям <архимандрита> Порфирия. Тем не менее во все время его странствования по Синаю и Афону, она оставалась без движения. Только возвращение <архимандрита> Порфирия в Петербург дало делу новый толчок и, как следует предполагать, на этот раз почин дела исходил если не непосредственно, то косвенно, от Святейшего Синода.

Во всеподданнейшем докладе министра иностранных дел по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода, Высочайше утвержденном 11 февраля 1847 года, говорится, что архимандрит Порфирий отправляется не в качестве игумена или настоятеля, а поклонника, снабженного дозволением и формальною рекомендациею от русского духовного начальства. При нем в виде поклонников, но ему подчиненных и состоящих под его надзором, посылаются 1 или 2 иеромонаха, 1 иеродиакон и 2 послушника.

Ни о монастыре, ни о братстве, ни о миссии, как видно, во всеподданнейшем докладе не сказано ни полслова — наоборот, опять отправляется в этот раз официальный поклонник с подчиненными ему поклонниками. Мне кажется, эта боязнь придать официальный характер исходила опять из Министерства иностранных дел; Святейший же Синод полагал, что не в названии дело, и согласился на эту уступку, по крайней мере он сам, при отправлении архимандрита, имел в виду Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, о которой в первый раз произнесено точное слово в предложении обер-прокурора 17 февраля того же года Святейшему Синоду.

Инструкция отцу архимандриту составлена была также в Святейшем Синоде, ибо министр иностранных дел от 21 августа 1847 года уведомлял обер-прокурора, что он на оную согласен и находит ее вполне соответствующею тем главным основаниям, кои удостоены были предварительного одобрения Государя Императора. Инструкция эта затем по всеподданнейшему докладу министра иностранных дел была Высочайше утверждена 28 августа 1847 года (приложение 5).

Для нас она была важна в том отношении, что давала материал для суждения, чего именно желало правительство, командируя отца архимандрита в Иерусалим.

Русское братство (п. 10), по словам инструкции, посылается в Иерусалим на три года и должно состоять там не иначе, как в качестве поклонников (пп. 1 и 2). Оно помещается в Иерусалиме, по ближайшему *объяснению* с Патриархом и консулом (п. 11), причем предпочитается Архангельский монастырь. Руководство лиц в братстве (п. 17), наблюдение за поведением и распределение ученых и прочих их занятий (п. 8) предоставляется архимандриту, причем ему с надлежащею осторожностью дозволяется *допуск* к занятиям с русскими послушниками до 6 греческих и арабских юношей (пп. 8 и 9). С благословения и разрешения Патриарха дозволяется членам братства служить на славянском языке, но применяясь к греческим обычаям, и отнюдь не устраняться от служения с тамошним духовенством (пп. 5 и 7). Относительно русских поклонников, право наказывать их, разбирать их дела, наблюдать за их помещением предоставлялось по-прежнему греческому духовенству (п. 12), а русскому — только действовать на поклонников, и то при удобном случае, духовными назиданиями и собственным примером (п. 13). Только в случае нужды дозволялось архимандриту делать изустные дружелюбные представления Патриарху и консулу о том, что он признавал бы полезным для русских поклонников (п. 14). Для сопутствия русских поклонников в Назарет архимандрит мог, по согласию с Патриархом и консулом, в случае особливой нужды отпускать кого-либо из состоящих при нем лиц (п. 19). Архимандриту же предоставлялось присланные ему из Константинопольского посольства или непосредственно ему доставленные пожертвования из России передавать в Патриархию (п. 18), но уведомлять о сем консула (п. 15). Архимандриту строжайше было запрещено принимать участие в делах и вопросах политических (п. 14), и он должен был по долгу христианства и службы отечеству быть с консулом в постоянном единодушии, сообщая ему все, что узнает относительно Православной Восточной Церкви (п. 15), и принимать с должным вниманием его внушения и наставления (п. 16). В свою очередь консул был призван, при должном уважении к духовному сану, передавать ему наставления посланника, делать доверительные внушения для пользы дел Церкви и службы (п. 16) и не принимать жалобы членов братства <ни> на их архимандрита, ни друг на друга (п. 17). Поездки внутри пределов Иерусалимской Патриархии дозволялись архи-

мандриту и состоящим при нем лицам не иначе, как с предварительного разрешения Патриарха (п. 20). Наконец, архимандрит о занятиях своих и своей братии обязан был каждые полгода представлять отчет в Святейший Синод, но не иначе как через нашего Константинопольского посланника и Министерство иностранных дел (п. 12).

При рассмотрении подробно настоящей инструкции, несостоятельность ее невольно бросается в глаза.

Если при поездке одного отца архимандрита нельзя было рассчитывать на его инкогнито под видом простого поклонника, то неужели можно было рассчитывать на такое инкогнито, когда он ехал в сопровождении нескольких лиц и к тому же снабженный формальною рекомендациею Русского правительства? Могло ли не знать об официальной его командировке греческое духовенство, а раз зная, как должно было отнестись оно к этому переодеванию официально командированного Русским правительством лица в личину православного поклонника, — и не одного, а нескольких зараз? Не должно ли было *такое* пребывание послужить источником многих затруднений для самой Миссии, на которую греческое духовенство, не допуская возможности прибегания к подобным средствам Русского правительства, не могло смотреть иначе как на непрошеных русских соглядатаев?

Относительно наших поклонников положение Миссии, по инструкции, оказывалось крайне щекотливым. По жалобам поклонников на притеснения и несправедливости местного духовенства, оно, посланное от Русского правительства и живущее в Иерусалиме, не имело права ничего сделать, кроме изустных дружелюбных представлений Патриарху и консулу, и должно было ограничить свое влияние на массу простолюдинов-поклонников духовными назиданиями, которые едва ли действительны, коли не сопровождаются *более* материальными последствиями. Ко всему этому он должен был на поклонников действовать примером собственного своего жития. Но кто же из знающих Восток не поймет, что это обоюдоострое оружие? Пример собственного благочестивого жития мог только указать на совсем противное в местном духовенстве, а в свою очередь сие последнее едва ли могло бы сносить с удовольствием такое обличение.

При таких условиях Миссия не имела права вмешиваться в политические дела, ничего не смела делать без разрешения и благословения Патриарха, а перед сим последним была поставлена инструкцией в виде даже неофициального соглядатая.

Наконец, даже иерархического положения Миссии инструкция не определяет. Отчет свой Миссия обязывалась доставлять Святейшему Синоду, но не иначе как через посредство Константинопольского посланника и Министерство иностранных дел. От кого же она действительно зависела — от Святейшего ли Синода, от русской ли дипломатии?

В заключение, самое название, данное ей, было в высшей степени туманное. Она не названа ни Миссиею, ни монастырем, а новым, никому не известным именем — Русское братство, которое представляло какой-то странствующий временный монастырь, без постоянного помещения.

Единственное, что этому братству, или вернее его архимандриту, разрешалось инструкцией, были ученые занятия, и не только одному, но ему еще давались в помощь несколько молодых сил. Эта последняя часть инструкции и подкупила в ее пользу отца архимандрита Порфирия. Предположения его об устройстве обители в Иерусалиме, очевидно, не прошли. Он просил, как сказано выше, позволения остаться еще на год для ученых занятий — ему отказали. Теперь ему предлагали осуществление его желаний даже в увеличенном размере; ему оставалось ухватиться за это, сознавая, что все остальные статьи инструкции не имеют никакого практического значения. Он согласился.

Но при этом невольно возбуждается вопрос: отчего самые простые, наглядные вещи, как только касаются Иерусалима, непременно принимают иные, нередко фантастические образы?

С возвращением отца архимандрита Порфирия в Петербург ни Министерство иностранных дел, ни Святейший Синод не в праве были отказываться *незнанием дел* в Иерусалимской Патриархии. Сведениям письменным, а тем более изустным, отца Порфирия они доверяли, ибо иначе незачем было его назначать вторично в Иерусалим. Затем, поневоле возбуждается вопрос: *чего* желалось им в Иерусалиме? Если иметь официального соглядатая, то для этого незачем было посылать *не только одного*, но нескольких духовных лиц, и к тому же монашествующих — это гораздо лучше мог исполнить простой вице-консул. Если оказать помощь местному православному населению против иноверных пропаганд, то об этом и *намека в инструкции нет*. Признавали ли они необходимым принять на себя заботы о русских поклонниках? — но этому именно противоречит п. 13 инструкции. Если, наконец, желали послать ученую экспедицию, то какая была побудительная причина не назвать вещи ее настоящим именем? И вопрос, поневоле — для *чего именно* при принятых условиях состоялась посылка Русского братства в Иерусалим? — так и останется без ответа. И не хуже ли всех возможных затруднений, которые наша дипломатия опасалась возбудить на Востоке, оказались эти недомолвки, эти выказанные страхи, несовместимые с достоинством ни Русского правительства, ни Православной Церкви?

Если мы, ввиду недоверия к Иерусалимской Патриархии, ввиду желания оказать помощь нашим поклонникам и противодействовать иноверным пропагандам, которые никого не спрашивая назначали епископов и восстановляли в действительности не существовавшее в течение семи столетий латинское патриаршество, хотели что-либо сделать посылкою Духовной Миссии, то мы должны были или это провести, или вовсе не подымать вопроса. Мы решились, как часто у нас бывает, *проделать наружно* и собственными руками уничтожить все, что это наружное представляло или должно было представлять.

Между тем в то время, как составлялась, рассматривалась и утверждалась настоящая инструкция, определялся состав самой Миссии и изыскивались средства для ее содержания. Кроме архимандрита Порфирия, поставленного во главе Миссии, при нем, по ходатайству Высокопреосвященного митрополита Новгородского Антония и графа Протасова, были назначены бакалавр Санкт-Петербургской семинарии Феофан[18] и студенты: Петр Соловьев и Николай Крылов. По ходатайству же отца архимандрита был к нему назначен его неизменный послушник Иван Будземский.

Этим и предполагалось на время ограничить состав Миссии. Ежегодный расход Миссии определен был в 7.000 рублей, которые распределялись следующим образом:

Жалованье архимандриту	1.500	1.500
# иеромонаху	1.000	1.000
# 2-м послушникам	1.000	1.000
<Итого>	3.500	
На общий стол		2.000
На вклад (Патриархии) за помещение		300
На наем прислуги		300
На разъезды и вспоможение русским поклонникам		300
На милостыню нищим		100
На содержание церкви		500

[18] Речь идет об иеромонахе Феофане (Говорове) (1815—1894), будущем епископе и Затворнике, знаменитом богослове и духовном писателе.

Эта более чем нищенская сумма, с которою мы мечтали что-либо сделать против тысячных сумм иностранных пропаганд, не может не поразить в особенности тремя своими цифрами. Мы навязывали свою Миссию <Иерусалимской> Патриархии, которая по многим вышеизложенным причинам не могла относиться к ней сочувственно. Задобрить Патриархию или уменьшить ее недоброжелательство возможно бы было, показав ей ту материальную пользу, которую могла бы Патриархия извлечь из Миссии, а эта материальная польза выражалась в 300 рублях за помещение пяти лиц, то есть сумма меньше той, которую бы получила Патриархия от помещения простых поклонников. Не менее поражает цифра милостыни нищим — 100 рублей, и это в стране, где каждый житель рассчитывает на милостыню и по размеру ее судит о значении дающего. Наконец, если мы даже отделим половину назначенной суммы <в> 300 рублей на разъезды, то мы увидим, что на 500 поклонников, приходивших тогда ежегодно на поклонение к Святому Гробу, было назначено вспоможение в 150 рублей, или около 30 копеек <на каждого>, и это <в то время> когда не было ни дарового помещения, ни удешевленного проезда.

Но и эта нищенская сумма возбудила препирательство и толки, на какую смету ее отнести — ни Министерство иностранных дел, ни Святейший Синод не желали принять этот ежегодный расход на свой счет. Кончилось дело тем, что расход этот после долгого спора *был отнесен на суммы Духовного ведомства.*

О ризнице постановлено позаботиться митрополиту Новгородскому, и, как о расходе единовременном, на нее были достаточно щедры, ассигновав 11.578 рублей 36 копеек, из которых половина была отнесена на счет сумм Духовного ведомства, причем 3.500 рублей отнесены на типографский капитал, а 2.289 рублей 18 копеек — на экстраординарные расходы Духовного ведомства.

Наконец, на экстраординарные расходы для переезда Миссии было назначено 4.578 рублей 35 копеек тоже из сумм Духовного ведомства.

Таким образом, и по составу своему, и по денежным на содержание ее средствам, наконец, и по обязательству представления полугодовых отчетов, эту вторую Миссию отца архимандрита Порфирия можно назвать вполне зависимою от Святейшего Синода и им вызванною к жизни.

Когда таким образом все вопросы по нашей Духовной Миссии, казалось, были вполне удовлетворительно решены и ей предстояло только отправиться на место своего назначения, отец архимандрит, памятуя затруднение, встреченное им в первую командировку вследствие требования с него за заграничный паспорт, которое составляло крупный процент его содержания, обратился в Синод, а сей последний — в Министерство иностранных дел с просьбою выдать ему и членам Миссии паспорта наших заграничных агентов, то Министерство испугалось даже такого требования, так как удовлетворение оного нарушило бы инкогнито едущих, а потому предоставило им получить паспорта в Одессе на правах простых поклонников.

Получив отказ в курьерском паспорте, Миссия 14 октября 1847 года выехала из Санкт-Петербурга и 2 ноября была в Одессе. Здесь отца архимандрита не задержали так долго, как в первый раз: 21 ноября он с прочими членами Миссии на казенном пароходе «Херсонес» отплыл из Одессы и 23 ноября был в Константинополе, остановившись в доме коммерческой канцелярии нашего посольства, в квартирах посольского духовенства. По представлении Миссии нашему посланнику, она принимала благословение на Иерусалимском подворье от представителя Иерусалимской Патриархии в Константинополе архиепископа Фаворского Иерофея[19], а затем

[19] К этому имени в рукописи примечание: «Скончавшегося в текущем году Патриархом Антиохийским». Блаженнейший Иерофей был Патриархом Антиохийским с 1851 по 1885 гг. Очевидно, годом его кончины (1885) следует датировать публикуемую рукопись.

от Вселенского Патриарха Анфима VI[20] в присутствии всего Священного Синода его. Прием Миссии Константинопольским Патриархом был вполне радушный, и по его приглашению Миссия присутствовала на богослужении, совершенном Патриархом в день святого Андрея Первозванного. Имея под руками наше посольство, с которым одним он говорил о делах Патриархии, Константинопольскому Патриарху не было причины не оказать радушия к проезжему единоверному духовенству, глава которого был к тому же его старый знакомый.

Пробыв два месяца в Константинополе, Миссия на австрийском пароходе выехала в Бейрут, где, не застав Базили, бывшего в Иерусалиме, выехала 7 февраля сухим путем в Иерусалим, куда прибыла 17 февраля 1848 года и на следующий день вручила Патриарху Иерусалимскому Кириллу письмо митрополита Санкт-Петербургского[21]. Описывая это представление в официальном письме, отец архимандрит говорит: «Мы обрели благодать перед лицом Его Блаженства; по прочтении письма он отвечал, что он с любовью приемлет нас точно так же, как и свое духовенство святогробское, и предложил нам оставаться в монастыре Святого Гроба (Патриархии) до Пасхи, отведя то помещение, которое он сам занимал, будучи наместником, присовокупив, что о постоянном помещении нашем последует совещание и решение в свое время».

Таков был официальный прием, но из сообщения Базили, который в то время был в Иерусалиме, мы узнаем, что Патриарх выражал ему опасения относительно приехавшей Миссии, могущей возбудить неприятности в случае неуместного вмешательства ее в дела святогробские или неуместных притязаний, основанных на неопытности в делах иерусалимских. Эти опасения были, прибавляет Базили, устранены моими объяснениями. Знать эти объяснения, конечно, было бы весьма желательно, как проливающие свет на взгляд Базили на нашу Духовную Миссию. Единственное объяснение, могущее успокоить Патриархию, заключалось в признании, что Миссия ничего не значит и ничего не будет делать. Но именно это объяснение, сомневаюсь, чтоб мог дать представитель русского правительства, а поэтому его предположение об успокаивающем действии его объяснений мы должны приписать к некоторому самообольщению.

Как увидим ниже, не это объяснение, основанное на общих фразах, успокоило Иерусалимского Патриарха, а иное, о чем речь будет впереди.

Отец архимандрит находил Иерусалим в этот свой приезд несколько иным против того, чем его оставил. Положение в нем слагалось так, что, при несколько большей энергии, умении и знании местных обстоятельств, действительно, Россия могла бы многое сделать в Святой Земле.

Вместо престарелого Патриарха Иерусалимского Афанасия[22] отцу Порфирию пришлось на этот раз в Иерусалиме встретиться с недавно избранным Патриархом Кириллом[23], с которым начиналась новая эра в Иерусалимской Патриархии. Пока доживал Афанасий, пока в Иерусалиме жили еще старцы, выросшие у Святого Гроба, предания Патриархии сохранялись неукоснительно, а в числе их и, если так можно выразиться, наследственность патриархов (вопрос наследования Патриаршего трона. — *Ред.*). В течение почти трех веков было всего 16 патриархов в Иерусалиме и каждый из них, *чувствовавший* приближение смерти, назначал своего наследника, и не было примера, чтоб назначенный таким образом не замещал

---

[20] Анфим VI занимал Престол Константинопольского патриарха в 1845—1848, 1848—1852, 1853—1855, 1871—1873 годах, так как несколько раз был смещен и вновь восстановлен турецкими властями.

[21] Имеется в виду митрополит Антоний (Рафальский), первенствующий член Святейшего Синода в описываемое время.

[22] Речь идет о Патриархе Иерусалимском Афанасии V (1827—1845).

[23] Иерусалимский Кирилл II (1845—1872).

умершего Патриарха. Понятно, что Патриарх назначал своим наследником человека, близко к нему стоявшего, знавшего его цели и намерения. Правда, и цели эти были за это время проще и не так многочисленны: бороться с францисканами за сохранение святынь и задаривать с этою целью все мусульманское начальство — от последнего турецкого сторожа в Иерусалиме до султана в Константинополе, а для этих задариваний добывать денежные средства — составляло всю политическую программу Патриархии, начиная с XVI века.

Обстоятельства за последнее время стали изменяться, и одними денежными средствами нельзя было бороться с развивающеюся иноверною пропагандою. Нужно было изменять вековую политику и изыскивать новые средства для борьбы. Между тем, новые обстоятельства стали влиять на предания, и Кирилл первый нарушил наследственность патриархов. Афанасий, умирая, назначил своим наследником архиепископа Фаворского Иерофея — человека, долго проживавшего в России и к ней расположенного. Кирилл, тогда епископ Лиддский, напирая на то, что Иерофей слишком близок к России и, вероятно, сопровождая это обвинение более вескими доказательствами, успел так настроить Порту, что Патриархом оказался он, а не Иерофей. Мы же, если даже и знали обо всем этом, то во всяком случае не отстояли Иерофея, а помирились с совершившимся фактом или, что еще вероятнее, сами поддерживали Кирилла. К такой, если так можно выразиться, узурпации Кириллом Патриаршего престола, старцы иерусалимские не могли отнестись равнодушно и встретили Кирилла довольно враждебно. В свою очередь и Кирилл, показавший пример того, что можно предвосхитить патриаршее достоинство, не чувствовал прочной под собою почвы. В таком положении застала его новоприбывшая Русская Миссия, и от того положения, которое она займет, зависела будущность Кирилла. Она могла или поддержать его, или сойтись с его врагами.

Не менее враждебное положение царствовало в то время и среди иноверцев. В протестантском мире рознь национальностей выражалась в борьбе английского консула Финна с прусским ставленником епископом Гоббатом — рознь, в то время только начинавшаяся и разыгравшаяся даже арестом Гоббата Финном. В латинском же палестинском мире совершался такой существенный для будущности латинства перелом, который можно было бы сравнить разве со значением Крестовых походов. В этой переживаемой тогда истории латинства в Иерусалиме есть много сходства с нашими отношениями к Иерусалимской Патриархии, и потому позволю себе несколько подробнее на ней остановиться как крайне для нас назидательной, тем более что происходила она на глазах отца архимандрита Порфирия.

Назначение протестантского епископа в Иерусалим и пребывание там русского архимандрита не могли не обратить на Святую Землю внимание латинского мира, представителями которого являлись там дотоле несколько монахов францисканского ордена. После падения латинского Иерусалимского королевства завоеватели, конечно, более сочувственно относились к православным, не менее терпевшим от латинян, чем мусульмане, и в течение целого почти столетия в Иерусалиме не было ни одного оседлого латинянина. Только в первой четверти XIV века появляются в Иерусалиме латинские монахи, и именно францискане, принимающие громкое название — хранителей Святой Земли. Но и тут в течение последующих двух столетий, до завоевания Святой Земли турками, латинян скорее терпят, чем разрешают жить. Только новые завоеватели стали смотреть на всех христиан — православных и латинян — безразлично, с равным презрением, признавая их источником для извлечения денежных средств. С этой поры, поставленные в одно и то же положение, цели и задачи францискан сделались тождественными с Иерусалимской Патриархиею: овладеть наибольшим числом святых мест, а для достижения этой цели — располагать наибольшими денежными средствами. Разница между представителями Православия и латинства заключалась лишь в употреблении избытка этих средств. У первых избыток этот шел на обогащение родственников и близких членов Иеру-

салимской Патриархии, у вторых — более дисциплинированных — он шел на обогащение специально францисканского ордена. Те же вопросы, которые возбудились в 40-х годах (XIX столетия. — *Ред.*) у русского правительства, а именно: целесообразно ли расходуются все присылаемые пожертвования и соответствуют ли этим пожертвованиям достигнутые результаты, — возбудились в то же время и в голове вновь избранного папы Пия IX[24].

Ответы на эти вопросы были, конечно, неудовлетворительные. Мы на них отвечали посылкою Русского братства с отцом архимандритом Порфирием во главе, Римский двор — восстановлением уже в течение трех столетий даже титулярно несуществовавшего <латинского> Иерусалимского Патриарха и назначением им проведшего всю свою жизнь в миссионерской деятельности в Месопотамии и Сирии Иосифа Валерги. Его застал уже в Иерусалиме отец Порфирий по приезде своем, так как в декабре 1847 года, после шести с половиной-столетнего отсутствия, Святой Град вновь увидал в своих стенах латинского патриарха. Но положение сего последнего было крайне неутешительно. Францискане встретили его по наружности радушно, но вместе с тем категорически заявили, что Папа мог его назначить, что они подчиняются решению Наместника Христа, но, на основании папских же булл, они единственные здесь хозяева и, что важнее, — единственные распорядители всех денежных средств, а потому Валерга может делать что желает, но они не уступят ни одно из принадлежащих им святых мест, ни одной церкви и ни одной полушки из получаемых средств. В таком безысходном, казалось, положении застал латинский мир в Иерусалиме и архимандрит Порфирий.

Знаю, что мне могут возразить, что православный мир в религиозном отношении не то, что мир латинский. Здесь францискане и Патриарх — слуги одного и того же распорядителя судеб латинского мира — Папы; там же Иерусалимский Патриарх и Всероссийский Святейший Синод только подчиненные отвлеченной идее — Церкви, которой они равноправные *столпы*. Все это совершенно верно, но *дело в том*, что не забегая вперед, так как конец борьбы между Валергою и францисканами принадлежит другому периоду, *я скажу здесь только,* что Валерга сломил францискан и создал новый латинский мир в Святой Земле не при помощи Папы, оказавшегося бессильным, а при помощи французской императорской дипломатии. На нашей православной стороне в действительности были ключи от денежного сундука, значит, шансы были, скорее, в нашу пользу, а потому видеть в Иерусалимском Патриархе лишь епископа на русском жаловании не представлялось вовсе мифом. Но *там* знали, чего желали, и был Валерга, *здесь* — к сожалению, этого не знали и был отец Порфирий.

После этого отступления, неизбежного для понимания религиозного положения дел в Святой Земле в это время, возвращаюсь к прерванному разсказу о судьбах Русского братства.

Первое, о чем Русская Миссия позаботилась, — было о помещении. Мы видели, что Патриарх Кирилл обязательно поместил ее, состоящую из пяти человек, возле себя, в тех самых келлиях, в которых он один жил как наместник, присовокупив, что о постоянном ее помещении последует совещание и решение в свое время. Это решение, заключавшееся в переводе Миссии в Архангельский монастырь, последовало в конце апреля, причем, по распоряжению Патриарха, приступлено было в нем к самонужнейшим поправкам и починкам. После вечерни 16 августа 1848 года Патриарх с Синодом благословил Миссию водвориться в поправленном

[24] Пий IX (1792—1878) был избран Папой в 1846 году. Восстановление Латинской Патриархии в Иерусалиме стало первым в ряду его мероприятий по укреплению позиций Католической Церкви в мире: конкордаты с Испанией (1851) и Австрией (1855), восстановление католической иерархии в Англии (1850) и Голландии (1853), Ватиканский Собор (1869) и принятие догмата папской непогрешимости (1870).

Архангельском монастыре и совершать в церкви оного службу на славянском языке. Миссия заняла в верхнем этаже 18 комнат и в нижнем 4 — для столовой, кухни и поклажи. В нижнем этаже оставалось еще много комнат, в которых Патриарх разрешил размещать разноплеменных поклонников только духовного звания и преимущественно российского духовенства, на что однако же, имея Патриаршее разрешение, архимандрит не решался, не испросив предварительно на то же разрешения Святейшего Синода. Кроме того, Миссии было великодушно предоставлено пользоваться находившимся при монастыре садом. За эти поправки Святейший Синод разрешил, кроме ежегодно передаваемых через Миссию в Патриархию денег за помещение, выдать Патриархии единовременно 700 рублей. Кроме того, архимандрит ходатайствовал о необходимости отпустить 3 тысячи рублей на отделку церкви в Архангельском монастыре, ссылаясь на существующий в Патриархии обычай, по которому каждый новый игумен, кроме ризницы в обширном значении этого слова, обыкновенно обновлял и самою церковь своего монастыря.

Под первым впечатлением нового помещения архимандрит писал: «Все келлии, кроме приемной, малы, тесны, низки и убоги». Через полтора года своего пребывания в Архангельском монастыре архимандрит 29 октября 1849 года так описывал помещение Миссии нашему Константинопольскому посольству: «Архангельский монастырь был перестроен для кратковременного помещения поклонников. Сообразно с этою целью он загромождён лестницами, террасами, келлиями, кухнями и портомойнями в таком безпорядке, с таким неудобством для жизни и с таким безвкусием, что величайшее терпение ослабевает и вянет. А келлии — одни темны, другие кривы и ниже одна другой, все очень низки, малы, душны и походят более на пещеры и даже на ящики, чем на комнаты. В прошлую зиму (1848/49 гг.) от проливных дождей и от снега они промокли чрез плоские каменные крыши так, что не высохли и летом. Духота от извести и спертого воздуха и сырость повредили здоровью членов Миссии... Нет покоя от прилива, шума и отлива разноплеменных поклонников, помещаемых (Патриархиею) вместе с нами в сей обители. В начале 1849 года, в отсутствии <членов> Миссии, одна армянка, стакнувшаяся с англичанином и надзираемая армянским духовенством, вошла под покрывалом в Архангельский монастырь будто для поклонения, а вышла в другом виде и очутилась там, где ее ожидали для венчания. В Великом посту 1849 года греческий поклонник, задумавший поститься 40 дней, тайно поместился в подземельи сего монастыря и после двадцатидневного подвига ревности не по разуму был открыт и вынесен оттуда полумертвый. Такие и подобные явления могут повторяться в не своем приюте Миссии, без ее ведома, сверх ее чаяния и к ее крушению, и набрасывать на нее чужие тени ввиду многих иноверных соглядатаев ее жизни...» Ввиду всего вышеизложенного, отец Порфирий предполагал построить тут же особый для Миссии флигель, сооружение которого принимал на себя Патриарх, «но, — пишет далее архимандрит, — любовь вызывает любовь, а поэтому справедливо и естественно на щедроты отвечать щедротами, а посему за безвозмездное сооружение он полагал бы давать Патриархии по 2 тысячи рублей в год в течение шести лет».

Этому докладу архимандрита наше посольство в Константинополе поверило только, как оно пишет 30 января 1850 года, когда многие поклонники подтвердили его справедливость о сырости и неудобствах келлий, причем и с своей стороны полагало желательным приступить к постройкам дома для помянутой Миссии, которые Патриарх согласен принять на иждивение Святого Гроба, но в таком случае нужно будет сделать единовременный вклад в 12 тысяч рублей. Святейший же Синод 6 октября 1850 года постановил: о неудобстве здания Архангельского монастыря и необходимости в оном переделок, а также о внесении за оные в кассу Святого Гроба в течение шести лет ежегодно по 2 тысячи рублей, — иметь особое суждение.

Между тем, приближалось второе ненастное время и отец архимандрит, видя что представленное им предположение <предложение> не имеет желанного резуль-

тата, обратился к первоначальному своему предположению, возникшему во время первого его пребывания в Иерусалиме, а именно: возможности приобретения Русским правительством в собственность дома, смежного с храмом Воскресения, а также находившегося на куполе оного мусульманского гарема, причем отец Порфирий полагал, что в случае заявленного о сем Государем Императором желания можно было бы получить его в подарок от султана. Доклад этот заинтересовал и Базили, и наше Константинопольское посольство, чрез которых он был послан и дошел до Государя Императора, который положил на нем следующую собственноручную резолюцию: «У турков я ничего не намерен просить. Денег не щажу. Занять гарем наемным образом».

Это было в конце 1850-го или в начале 1851 года. Такая близость русских к храму Гроба Господня сильно испугала Патриархию и она предложила свои услуги для приобретения дома и гарема. Посольство и консульство ухватились за это предложение и предоставили ведение дела Патриархии. Тогда последняя, с одной стороны, торгуясь и давая невозможно низкую цену продавцу, отклонила его от продажи, а с другой стороны — так разгласила это дело, что иностранные посольства заговорили о нем в Константинополе, и от всего дела осталась только энергическая резолюция покойного Государя.

Но дело о помещении все-таки не подвигалось, и Миссии пришлось еще две зимы прожить в тех душных и сырых ящиках Архангельского монастыря. Даже Базили решился вмешаться в дело и во время пребывания своего в Иерусалиме в марте 1852 года настаивал перед Патриархом о необходимости устройства помещения Духовной Миссии. Патриарх затруднился исполнить это, ссылаясь на Турецкое правительство, которое будто бы не разрешит увеличивать монастырь. На это Базили предложил Патриархии фиктивно уступить на 15 или 20 лет яффскому вице-консулу пустопорожнее место, принадлежащее Патриархии и лежащее к югу от Архангельского монастыря, и на нем в некотором от монастыря расстоянии возвести здание на наши средства. Патриарх отклонился в то время от положительного ответа, но через месяц в Константинополе, где он встретился с возвращающимся из отпуска из Киева архимандритом, между сими последними произошло, по настоянию нашего поверенного в делах, соглашение в следующих статьях:

1. Патриарх предписал заготовлять нужный для постройки материал.

2. Патриарх испросил разрешение на постройку нового странноприимного дома с северной стороны монастыря, против чего ближайшие соседи с этой стороны — латиняне — не посмеют ничего сказать.

3. Новый дом следует строить как можно дальше от монастыря и никак не на южной стороне из опасения Турецкого правительства.

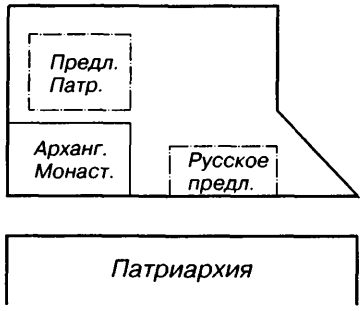
4. Миссии предоставляется и при новом доме пользоваться церковью и садом монастыря и даже сим последним в случае увеличения Духовной Миссии.

«Так как предложения сии делались собственно лицу нашего архимандрита с совершенным добродушием и готовностью, то ему оставалось только согласиться», — пишет наш поверенный. Совершенно верно, отцу архимандриту действительно ничего не оставалось более как согласиться не только с предыдущим, но даже <и с тем> если бы Патриарх потребовал немедленного его отъезда из Иерусалима, так как единственное лицо, могущее его поддержать, — наш поверенный в делах — очень наивно, чтоб не сказать более, верил в крайнее добродушие и искреннее расположение, высказанное Блаженнейшим Патриархом *голосом истины* по поводу *соучастия его к благосостоянию* наших священнослужителей в Святом Граде.

Между тем простой просмотр этих соглашений ясно указывал, что в них не было ни одного слова правды. Так, первая статья, расчитанная на эффект, не вязалась со второю, ибо казалось необходимым прежде испросить разрешение на постройку, а затем уже заготовлять необходимый для нее материал. Если же Патриарх

был так уверен в разрешении постройки, то как же согласить эту уверенность с опасениями, высказанными тем же Патриархом Базили, что Турецкое правительство не разрешит увеличить монастырь.

Что касается до третьей статьи соглашения, то достаточно взглянуть на нижеследующий чертеж,



чтобы понять разницу в предложениях Патриархии от предложений русских. Эти последние, по словам Базили, предполагали выстроить дом для Миссии на улицу, имея, таким образом, независимый выход. Патриархия между помещением Миссии и улицею оставляла Архангельский монастырь, чрез который должен был проходить вход в дом. Кроме того, предложенное Патриархиею место граничило с латинянами, которые, конечно, во-первых, вмешаются насколько возможно, чтоб воспрепятствовать самой постройке, и, во-вторых, никоим образом не позволят ей распространиться за пределы Архангельского монастыря, не продав, конечно, ни пяди земли ненавистным им схизматикам. А что такие предложения витали в голове наших константинопольских дипломатов, то это видно из продолжения того же письма нашего поверенного в делах. «При таком устройстве (то есть вышеприведенном соглашении) оставалась, — пишет он, — утешительная надежда, что в Святом Граде, на месте, признанном самим Патриархом удобным, будет устроена отдельная русская обитель, которая в отдаленное более благоприятное время может расшириться и украситься собственною отдельною церковью, по сломке ближних домов, принадлежащих монастырю Святого Гроба, и по крайней бедности обывателей доступных к приобретению покупкою за весьма незначительную цену... Само собой разумеется, — присовокуплял он, — что таковой взгляд на будущность не был сообщен Патриарху». А сей последний — прибавим мы — должно быть, не догадался. Невольно возбуждается вопрос: кто кого и к чему обманывал?

Необходимым следствием присутствия Миссии нашей в Иерусалиме была потребность иметь для нее приличное помещение. Весь интерес греческой Патриархии поэтому был не допускать ее до такого помещения, потому что, пока его не было, Миссия была только гостьею Патриархии и более ничего. Если мы желали иметь в Иерусалиме Миссию, тогда просто нужно было купить место и выстроить ей помещение, что никто не мог нам запретить, как ясно доказали события последующих лет. Если нам Миссия была не нужна, то незачем было ее навязывать Патриархии, а тем более унижать собственного нашего представителя, делая положение его в Иерусалиме невозможным.

Между тем *комедия* продолжалась далее. В том же письме поверенный наш в Константинополе пишет, что составленный нами план и фасад постройки были одобрены Патриархом, который о каком-либо вознаграждении и слышать не хотел, почитая членов Русской Миссии своими, а не чужими. Такая деликатность глубоко трогает нашего поверенного, который считает необходимым на такую деликатность отвечать другою, а именно: он признавал неловким требовать от Патриархии како-

го-либо акта по постройке, который мог бы возбудить подозрение, а полезнее всего, заключает он свое донесение, ассигнованный на этот предмет вклад переслать в посольство для передачи по назначению.

Между тем и Святейший Синод, решивший, как мы видели, 6 октября 1850 года иметь о постройке или, вернее, об ассигновании на нее 12 тысяч рублей особое суждение, счел нужным для сего, наконец, 11 января и 20 марта 1852 года вытребовать архимандрита в Петербург. Но и это не удалось, ибо Министерство иностранных дел уведомило в июне 1852 года о несвоевременности такого вызова ввиду издания <султаном> фирмана о святых местах и особенной для нас важности иметь во главе нашей Иерусалимской Миссии человека опытного и вполне ознакомленного как с тамошними лицами, так и <с> делами. Хотя, насколько мне известно, до самого объявления Крымской войны никто не счел нужным спросить опытного человека об этих лицах и делах.

Окончив это соглашение, архимандрит Порфирий уехал из Константинополя и прибыл в Иерусалим 6 мая 1852 года. Вслед за сим от 24 мая того же года наш поверенный в делах доносил, «что Патриарх (только что согласившийся) находил необходимым сократить и привести в более укромный вид план и фасад постройки, предложенной нами, из боязни возбудить подозрение Турецкого правительства». И на это мы согласились ввиду крайнего добродушия и искреннего расположения, высказанного Блаженнейшим Патриархом. Мало того, через 10 дней, то есть 4 июня, тот же поверенный наш писал, что Патриарх представил свой план, за что он его благодарил, причем Патриарх объявил ему, что теперь, когда он уверен, что его не заподозрят в неохоте, он приступит к исполнению, и начал с того, что уведомил о сем Иерусалимский Синод, а когда получится благоприятный отзыв местного начальства, тогда <он> войдет куда следует с представлением. Конечно, можно было бы спросить у Патриарха о материале, который он, по 1-й статье соглашения, приказал заготовлять еще в октябре 1851 года, но нашему посольству, жившему на прекрасной русской императорской даче в Буюкдере, было, конечно, безразлично, где помещается Духовная Миссия в Иерусалиме, Бог знает для чего призванная и только напрасно увеличивающая переписку.

Вслед за сим, 11 августа 1852 года последовало и визириальное письмо к паше Иерусалимскому о разрешении постройки, к осуществлению которой затем, кажется, ничего более не могло препятствовать. Но 8 октября архимандрит уведомлял Святейший Синод, что Патриарх, возвратившись в Иерусалим, по переговорам с Базили, решился не строить новый дом, а отделать дом святогробский на противоположной Архангельскому монастырю стороне улицы (ныне новая Патриархия) и соединить его с сим последним крытым через улицу переходом. Дом этот должен быть готов после Пасхи 1853 года. Отделывая же этот дом снаружи, уведомлял далее архимандрит, Патриархия отказывается снабдить его мебелью и рухлядью, на что потребуется до 1 тысячи рублей. Приходится, прибавляет архимандрит, с этим согласиться ввиду мрачного политического горизонта. Но, прибавим мы, пришлось архимандриту и нашей Миссии провести не только пятую, 1852/53 гг., зиму, но и шестую, 1853/54 гг., оставаясь все в тех же ящиках Архангельского монастыря.

Мы остановились на этом эпизоде, далеко не стоящем такого внимания, потому, что он представлялся для Миссии крайне существенным, можно сказать, краеугольным камнем для будущего существования ее и поглотившим в течение 7 лет все ее внимание.

После помещения, конечно, были всего важнее для Миссии денежные средства. Мы выше заметили, как нищенски были ассигнованные ей штаты. Кроме этих 7.000 рублей ежегодных, в течение 6 лет, с 1848 по 1854 годы, было еще ассигновано Миссии Синодом с 1849 года ежегодно по 100 рублей из типографских его сумм на письмоводство; единовременно архимандриту по случаю его поездки в отпуск в Киев на зиму 1851/52 гг. — 500 рублей из 20.000 капитала (но зато удержаны 600

рублей жалованья за это время); и учителям Миссии: арабского языка Сарруфу всего 100 рублей, и новогреческого — афонскому иеродиакону Мелхиседеку — 150 рублей, хотя оба получали содержание не от казны, а из уделяемой самими членами Миссии на то суммы из получаемого ими содержания. Итого, излишне против назначенных по штату в течение шести лет — 650 рублей. Кроме того, послано было разных книг из запасов Синода и разных вещей для ризницы на 1469 рублей 85 копеек, причем еще в сентябре 1848 года поставлено на вид архимандриту в своих требованиях довольствоваться только самым необходимым.

Наконец, в самом составе Миссии произошли за этот период времени только следующие перемены: нанят был на собственные средства Миссии в конце 1848 года в Бейруте собеседник (переводчик) арабского языка Фадлала Сарруф и в 1851 году — такой же собеседник для новогреческого языка, афонский иеродиакон Мелхиседек, а в апреле 1852 года уехал в Россию причетник Миссии студент Крылов, не выдержав более четырех зим в Архангельском монастыре.

Что этот состав Миссии был недостаточен, сознавало даже наше Бейрутское консульство. Базили от 13 апреля 1849 года еще по собственному почину писал: «Архимандрит Порфирий и иеромонах Феофан сознают себя не совершенно способными для исповеди поклонников, к ним притекающих, и было бы во всех отношениях весьма желательно, чтоб поклонники наши находили в Иерусалиме подобающее утешение исповеди у лица, способного наставить и руководить их совестью». При этом Базили находил еще необходимым увеличить состав Миссии двумя студентами, из общего числа которых от времени до времени один мог бы быть командируем в консульство в Бейрут для усовершенствования в греческом и иностранных языках по обширной переписке консульства с духовенством и для ознакомления на опыте с делами восточной Миссии. Это предположение Базили вполне разделял наш посланник в Константинополе, но Синод постановил ожидать о сем представления архимандрита. Но когда в декабре 1851 года архимандрит ходатайствовал об увеличении Миссии одним иеромонахом из греков (имея в виду иеродиакона Мелхиседека) и переводчиком арабского языка (имея также в виду жившего при миссии Ф. Сарруфа) и двумя студентами, то Синод ничего ему не ответил.

Располагая такими ограниченными средствами, такою поддержкою Константинопольского посольства, зная состав Миссии, мы, конечно, не в праве и ожидать от нее каких-либо результатов.

Если не было где самой поместиться, трудно было найти помещение для училища, а в особенности для арабских и греческих пансионеров, хотя увлекающийся отец архимандрит Порфирий еще 21 февраля 1850 года перед отправлением своим на Синай писал Святейшему Синоду: «Изучить зодчество, обряды, церковные обычай и историю Восточных Церквей с запасом знания языков халдейского, армянского, сирского, арабского, персидского, коптского и ефиопского, для чего потребно 12 питомцев наших семинарий, — такова должна быть задача Русской Духовной Миссии, водворенной в Святой Град». Вся эта задача, о которой никто не дал себе труда подумать и даже ответить, окончилась покупкою в 1851 году отцом архимандритом маленького абиссинца Фрументия, которого Порфирий предполагал приготовить в священники для абиссинян. Но и этот маленький невольник Русской Миссии исчез затем бесследно — умер ли, живет ли в своей дальней родине, вспоминая о Русской Миссии. Кто об этом когда-либо интересовался?

Отец архимандрит Порфирий, если бы даже отдавал себе ясный отчет о задачах Миссии, во главе которой он был поставлен, должен был сознаться рано, что без поддержки извне, из Константинополя и Петербурга, всякая его самостоятельная инициатива повела бы только к тому, что против него восстала бы Патриархия и сделала бы его пребывание в Иерусалиме еще более невозможным. К тому же и личные его вкусы, как было уже сказано выше, влекли его к домашним, кабинет-

ным, ученым занятиям. Весь углубленный в оные, живя в далеком прошлом, он <не взволновался вопросами>, и они проходили перед ним не замеченными или не стоющими его внимания. Вот причины, отчего все его отчеты, представленные им в Святейший Синод, носят на себе характер исключительно ученый[25]. На себя он смотрит как на ученого, посланного с специальною целью изучить древнюю Восточную Церковь, на членов Миссии — как на своих учеников, обязанных помогать ему в его ученых трудах, и занятиями которых он должен руководить.

Но если такова была цель его посылки, то едва ли состав Миссии соответствовал ей: ни один из ее членов не был к ней подготовлен, да и сам отец архимандрит, будучи ученым человеком, едва ли был в состоянии руководить занятиями других — для этого он был слишком исключителен и своеобычен и в трудах членов Миссии видел лишь собрание и подготовление материалов для собственных своих занятий. Понятно затем, что во всех девяти отчетах, доставленных отцом Порфирием, было только и речи о его личных ученых трудах и о занятиях — также ученых — подчиненных ему лиц. Мало того, он считал даже необходимым к этим отчетам прилагать в подлиннике разные переводы и другие исследования членов Миссии. Но напрасно бы искали в них малейших сведений о наших поклонниках и их нравственном и материальном положении, об иноверной пропаганде и ее успехах, наконец, о состоянии Православия и православных в Святой Земле. Еще менее найдется там сведений о том, *что* есть и *чем*, по его понятиям, должна бы быть Русская Миссия в Иерусалиме.

По вопросам современным во все 6-летнее пребывание его в Святой Земле мы имеем от него лишь донесение о Сирийской Православной Церкви за 1848 год, об избрании в 1846 году на Александрийский Патриарший Престол Иерофея и о препирательствах по этому поводу в Константинополе и, наконец, только в 1851 году указание, что он сообщил в первый раз Базили некоторые сведения о положении Иерусалимской Патриархии. Можно ли затем винить кого бы то ни было, что отчеты эти до сих пор лежат в архиве и едва ли не нами первыми были прочитаны? Да и действительно, не это требовалось от Русской Миссии, и это ясно доказал сам Синод, не только прочитав, но и приказав, хотя и в извлечении, напечатать первое его живое слово о положении Сирийской Православной Церкви.

Патриарх Кирилл скоро узнал как отца Порфирия, так и положение нашей Миссии. Если от сей последней нельзя отделаться разом, думал он, то лучше ученый Порфирий, чем кто-либо другой. Имея за себя Бейрутского консула и Константинопольское посольство, Духовная Миссия в Иерусалиме не представляла для Патриархии никакой опасности. Наоборот, отец Порфирий представлял даже в известных случаях приятного собеседника, льстя некоторым слабостям которого, можно было заполонить <его> в свои сети.

Не мудрено после того, что через год по прибытии нашей Миссии в Иерусалим, а именно 13 апреля 1849 года, Базили находил возможным писать нашему Константинопольскому посланнику: «Успех благого учреждения нашей Миссии не только оправдал, но даже превзошел все мои ожидания, судя по краткосрочности годового срока в подвиге духовном. В самом деле, если основною целью сего учреждения должно полагать славу Российской Церкви <там>, где сходится духовенство всех народов, и вящее сближение духовенства нашего с восточными нашими единоверцами, то Миссия наша открыла под самыми счастливыми знамениями свой духовный подвиг, как по внешним своим отношениям к греческому духовенству, к туземцам разных исповеданий, к агентам европейских держав и к иностранному духовенству, пребывающему в Иерусалиме, так и по внутреннему устройству и порядку Архангельской обители и по строгому благочинию церковному в оной. Патриарх

[25] Внимательное изучение жизни и деятельности епископа Порфирия (Успенского), как и многочисленных составленных им трудов, не позволяет согласиться с мнением автора.

Кирилл не может нахвалиться архимандритом нашим... Ныне вместо холодной недоверчивости Патриарх питает более доверенности к нашему архимандриту, чем к своим подчиненным, и охотно с ним совещается о делах... Добрая слава о духовенстве нашем проникла и к мусульманам, знакомые мои приматы-мусульмане иерусалимские сами говорили мне, что если бы духовные лица всех христианских племен следовали примеру иерусалимских *отшельников, то дела Святогробские приняли бы другой оборот*».

Когда Базили писал это письмо, он был уже почти десять лет генеральным консулом в Бейруте, а книга его «Сирия и Палестина» ясно доказывает, что он много лучше своих дипломатических сотоварищей знал положение дел в Святой Земле. Тем более нас вправе удивлять легкомысленный тон этого письма, принимающий *последствия,* или наружность, *не упоминая* о причинах, или сущности. Не в славе Российской Церкви было дело, а в поддержании Православия, гибнувшего в Святой Земле как в самом духовенстве, так и в среде населения. О какой славе Русской Церкви, *но даже* о представительстве едва ли можно говорить, когда эту славу составляли несколько монахов без приличного помещения, достаточных денежных средств и какой бы то ни было поддержки? Мы выше указывали причины, отчего Патриарх Кирилл не мог нахвалиться нашим архимандритом, которому он внешне оказывал некоторое доверие по тем же причинам, а главное вследствие враждебности к нему Святогробского братства. Но насколько это доверие было чистосердечно, лучше всего доказывается вопросом о помещении, ход которого мы изложили выше. *Странно, наконец, слышать от русского консула, что не православные приматы Иерусалима служат для него источником сведений, а мусульманские, и что мнение сих последних для него столь веско.*

Нам в настоящем очерке приходится описывать судьбы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а не Православия в Святой Земле, а тем более православной Иерусалимской Патриархии. Но поневоле приходится касаться сей последней для разъяснения положения самой Миссии — и вот причина, отчего и в настоящее время приходится сделать некоторое отступление, продолжив в кратких очерках изложенные выше судьбы Патриархии. Мы видели, что отступление от существовавших дотоле преданий по избрании Кирилла возбудило против него старцев Святогробского братства и поселило между ними недоверие. Прибытие Русской Миссии являлось для него в начале новою, если не угрозою, то неожиданностью, а между тем иноверная пропаганда выдвигала на очередь новый вопрос — православных туземцев, который представлялся Патриархии гораздо более грозным, чем все остальные.

Дело в том, что до появления в 40-х годах (XIX столетия. — *Ред.*) иноверных пропаганд, как мы видели, все цели, вся деятельность Патриархии были направлены лишь к борьбе с францисканами за святые места, так как францискане собственно пропагандою не занимались. Поэтому православное туземное население не входило вовсе в расчет Патриархии, которая довольствовалась относительно их изредка милостынею и заступничеством перед местными турецкими властями. Этим туземное население было вполне довольно, сравнения с чем-нибудь лучшим ему не представлялось, и в действительности положение его было даже лучше, чем соотечественника мусульманина, у которого даже этой слабой помощи или защиты не было.

Иным дело представилось, когда явились иноверные миссионеры, не интересуясь собственно святыми местами. Их цель была привлечь на свою сторону наибольшее число туземцев, образовать свою паству, совершенно верно понимая, что в *них* вся политическая сила. А так как туземцев-мусульман было бы в то время, да и ныне, опасно затрагивать в мусульманском государстве, они обратили все свои усилия на туземцев-православных. Совращение же последних не представляло особой опасности, ни еще более — благодаря вековому к ним равнодушию Патриархии, — особых трудов и усилий. Следовало открыть им глаза насчет Святогробского брат-

ства, посулить им больше материальных выгод, и успех дела казался обеспеченным. Таким образом, с новыми борцами приходилось Патриархии вести новую борьбу не за святые места, а за паству. Каждое новое обращение из Православия было тяжело и как пример для будущего, а главное — как доказательство собственной слабости.

Патриарх Кирилл был далеко не гением, ни даже выдающимся человеком, но у него было много здравого разума, и потому он не мог не отдать себе отчета в положении и в необходимости принять какие-либо действительные меры. Но, с другой стороны, он был чересчур грек, слишком связан с Фанаром[26], чтоб быть в состоянии оторваться от всех уз, связывающих его, и пойти твердо по новой дороге. А новая эта дорога заключалась в том, чтоб заняться исключительно местным православным населением, а как противовесом Фанара, который, конечно, это бы ему никогда не простил, опереться на Русскую Духовную Миссию.

Если иноверные пропаганды принимались прежде всего за школы, то и Патриарх Кирилл принялся за устройство таковых для православного населения. Но школы, кроме учеников, требуют средства для содержания и учителей. Трата на школы составляла новый расход, без которого доселе Патриархия обходилась, а поэтому непроизводительный, по мнению большинства старцев Святогробского братства. Отсюда новый предлог для вражды и подпольной борьбы против нововводителя — Патриарха. Еще средства, при тогдашнем богатом состоянии Святогробской казны, Патриарх мог найти, но в учителях был совершенный недостаток. Православное население, как и вообще тогда туземное население, было, можно сказать, поголовно безграмотно.

Не в лучшем состоянии образования стояло и местное греческое духовенство, которого опять вековая история приучила ко многому, но не к бескорыстию миссионерства. Приходилось создавать учителей. Патриарх Кирилл полагал возможным одним ударом создать учителей и заместить Святогробских старцев новым элементом образованных монахов, на которых он мог бы положиться. Но при этом именно случае и проявилось, насколько греческие и фанариотские узы связывали Кирилла. Обе цели совместить было трудно: для образования сельских учителей ему нужно было бы основать подготовительную школу, которая года через 3 или 4 могла бы снабжать Патриархию достаточным контингентом сельских учителей. Затем наиболее выдающиеся по своим способностям мальчики могли бы из оной быть посылаемы оканчивать свое воспитание в наши духовные семинарии и академии и наиболее достойные из них могли бы замещать места выбывающих святогробских старцев. При этой программе наша Духовная Миссия могла бы оказать как в Иерусалиме, так и в России незаменимую услугу. Приходило ли это в голову Патриарху Кириллу и архимандриту Порфирию — сомневаюсь, ибо никаких следов подобного предположения не осталось, а Кирилл решил совсем иное: открыть несколько школ для туземных детей, которые, при условии отсутствия учителей и руководства, могли существовать лишь для виду и напоказ, без всякой действительной пользы. Так, открыты были школы в Иерусалиме, Рамлэ, Лидде, Сальте и Бейт-Сауре, к тому же, как самые местности указывают, без всякой системы, а совершенно случайно.

Затем для образования греческого духовенства он решился — наподобие Халкинской высшей школы при Константинопольской Патриархии — открыть таковую при Иерусалимской Патриархии в Крестном монастыре. Не говоря уже о средствах, которые такая школа могла потребовать, нельзя не обратить внимания на то, что Халкинская школа служит рассадником высшего духовенства едва ли не всего православного Востока; Крестная же школа могла служить только для одной Иеру-

---

[26] Фанар — район в Константинополе, где находится резиденция Константинопольского (Вселенского) Патриарха.

салимской Патриархии, а вследствие того была слишком велика и обширна для той цели, для которой она предназначалась. Наполнив ее затем своими родственниками и соотечественниками из Архипелагских островов, Кирилл и этим не ограничился, а отправил многих недоучившихся юношей доканчивать свое учение в университеты: Лейпцигский, Венский и даже Парижский. Можно себе представить, *что* эти полуобразованные юноши вынесли из западных столиц, где были предоставлены собственному произволу. По возвращении они немедленно были возведены в звание архимандритов и архидиаконов и в их руки была передана Крестная школа, сделавшаяся рассадником будущих членов Святогробского братства. Не хочу сказать, чтоб образование в наших семинариях и академиях было бы идеальным, но при всех своих недостатках оно представляется таким для будущих православных монахов в сравнении с воспитанием, которое они почерпнули в западных университетах. Таким образом, и в этом отношении Патриарх Кирилл положил основание новому порядку вещей в Иерусалимской Патриархии. Надломленная палка, на которую он думал опереться, пронзила его же руку и, умирая в изгнании на Принцевых островах, низвергнутый и выгнанный своими же учениками, Патриарх Кирилл нередко, вероятно, раскаивался в том, что сам же вызвал к жизни.

Нам остается сожалеть, если архимандрит не нашел ничего иного предложить в школьном деле; сожалеть еще более, если предлагал, и Патриарх не нашел полезным последовать его советам. Как бы то ни было, но архимандрит с очевидным удивлением сообщал Святейшему Синоду, что Иерусалимский Патриарх по возвращении из Константинополя убедительно просил его 20 сентября 1852 года, как единого из своих и во имя Живоносного Гроба Господня, принять звание и обязанности попечителя (ефора) иерусалимских училищ по одной учебной части. Невольно не верится в такую неожиданную доверенность, особенно если сопоставить с тем, что 8 октября 1852 года Патриарх, как мы видели выше, окончательно отказывался от постройки приличного помещения для Миссии. Нельзя не удивляться и тому, что архимандрит, который недавно перед тем, имея благословение Патриарха пускать в Архангельский монастырь поклонников духовного звания, счел нужным однако же испрашивать на то еще и разрешение Синода, но не счел необходимым спрашивать такого же разрешения в деле, когда имя русского духовного представителя связывалось с делом, польза и исход которого, как и указал позднейший опыт, были более чем сомнительны. Тем не менее отец архимандрит принялся за предложенный ему труд с большою ревностью и занимался им в течение слишком года, до своего отъезда из Иерусалима, посещая Иерусалимскую и Крестную школы, присутствуя на экзаменах и давая свои советы, когда их спрашивали.

Чтоб окончить с деятельностью Русской Миссии, нам остается еще коснуться одного поднятого отцом архимандритом вопроса, а именно: 30 декабря 1849 года архимандрит вошел с представлением о переводе на арабский язык и напечатании духовных творений, для чего просил ассигновать 500 рублей к ежегодному отпуску из остатков сумм наших духовных академий. «Без деятельного участия нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, — писал он, — не предвидится начатие сего благословенного дела со стороны святогробского духовенства, помышляющего более о других делах, чем о духовном просвещении православных арабов». Эта последняя фраза особенно знаменательна из-под пера архимандрита Порфирия как единственное место, где он проговорился о настоящем положении Православия в Святой Земле[27]. Такую типографию, присовокуплял отец Порфирий, можно было купить у Бейрутской митрополии, которой она в тягость. Только через год, а именно 31 декабря 1850 года, Святейший Синод отвечал ему, потребовав сведения: какие книги

[27] Вынуждены и здесь совершенно не согласиться с мнением В. Н. Хитрово. О «настоящем» положении Православия в Святой Земле он многократно и не обинуясь высказывался и в письмах, и в отчетах, и в личных беседах с руководящими деятелями Русской Церкви.

и рукописи предполагается печатать, в каком количестве экземпляров, от кого потребовать удостоверения в правильности перевода и нельзя ли печатать их в Каире. На этом требовании сведений вопрос остановился, архимандрит не отвечал, ибо Патриарх Кирилл и здесь постарался отклонить русское вмешательство, купив указанную типографию и переведя ее в Иерусалим.

Такова была судьба нашей Духовной Миссии в Иерусалиме до начала Крымской войны.

Как известно, разрыв между Россиею и Турциею последовал в октябре 1853 года. Об нем стали говорить на базарах, получены сведения через иностранные газеты, но ни Константинопольское посольство, ни Бейрутское консульство не сочли нужным уведомить о сем нашу Духовную Миссию. Наконец, 18 октября Бейрутский консул, проезжая с своим семейством на французском пароходе мимо Яффы в Ливорно, словесно передал через нашего яффского вице-консула совет Духовной Миссии искать убежища в Греции, если нельзя будет оставаться безопасно в Иерусалиме. Еще более удивилась Русская Духовная Миссия, когда к начальнику ее явился граф Пиццомано, австрийский консул в Иерусалиме, и сообщил, что Миссия, как и в частности русские лица, поступают под его покровительство; и нужно отдать полную справедливость, что граф Пиццомано в течение еще семимесячного пребывания Миссии в Иерусалиме действительно являлся ее защитником и покровителем против козней, возбуждаемых против нее английским и французским консулами.

Но материальное положение Миссии от этого не улучшалось. Без предписаний, известий и средств из России Духовная Миссия принуждена была затратить те небольшие сбережения, которые ей удалось сделать в прежние годы, принуждена была распустить прислугу, оставив только двух человек, и оказалась наконец несостоятельною в уплате <даже> этого незначительного жалованья прислуге и драгоману. Рапорт начальника Миссии от 27 октября 1853 года в Азиатский департамент оставался без ответа. Что было делать Миссии, оставленной без средств на произвол судьбы, среди самых зловещих слухов и опасений?

Не мудрено, что под влиянием этого тяжкого положения твердость отца архимандрита пошатнулась, и он раз за общею трапезою, изобразив бесполезность дальнейших ожиданий, предложил членам Духовной Миссии или удалиться в пустынный Саввинский монастырь, или пробираться в Россию кто как знает, под собственною ответственностью, причем он слагал с себя обязанности начальника. Но это был только минутный упадок духа, остальные члены Миссии подкрепили его, решившись терпеть до конца, пока о них вспомнят в России, и затем для дневного существования обратиться к Патриаршему наместнику Мелетию, так как Патриарх Кирилл был в то время в Константинополе. Действительно, <Иерусалимская> Патриархия пришла на помощь Русской Духовной Миссии, ссудив ей 5.000 пиастров (около 500 рублей).

Только 7 декабря 1853 года Министерство иностранных дел вспомнило о Миссии и уведомило обер-прокурора Святейшего Синода, что по всеподданнейшему его докладу Высочайше разрешено ассигновать на возвращение Миссии 900 червонцев с отпуском половины из Государственного Казначейства и половины из сумм Духовного ведомства, но вместе с тем предписано архимандриту и состоящим при нем лицам оставаться в Иерусалиме, пока обстоятельства не вынудят их к выезду.

Откровенно сознаюсь, что среди многих более или менее странных *предписаний* настоящего рассказа, ни один не возбуждал во мне такого удивления, как сей последний. Оставлять Миссию среди фанатического населения, не облеченную официально в иное звание, как простых поклонников, навязывать их пребывание Патриархии, положение которой всегда является щекотливым при войнах России с Турциею, — это можно было объяснить лишь важностью побудительных причин,

<таких> как средство получать необходимые сведения. Ничего подобного не было. В течение пяти месяцев, в которые Миссия оставалась в Иерусалиме, никто не спросил ее ни о чем, и она ничего не сообщила. Да что могла она сообщить, отрезанная от всего мира, забытая всеми, не получая ни от кого не только сведений, но и денежных средств, которыми она могла существовать?

Но и этот столь нетерпеливо ожидаемый Миссиею наказ достиг ее только 8 февраля 1854 года одновременно с турецким указом, который строжайше предписывал, чтоб все русские подданные непременно покинули пределы Турецкой империи не позже 6 мая 1854 года. Русских поклонников и поклонниц, которых турецкий указ застал в Иерусалиме, было до 17 человек, — все они обратились в Русскую Духовную Миссию, прося содействовать их отъезду из Святой Земли, так как приходилось возвращаться через Турцию, а на путь через Европу ни у одного из них не было средств. Но что для них могла сделать Миссия, которая сама больше полугода не получала своего жалованья и находилась относительно денег не в лучшем положении, чем сами поклонники? Пришлось вновь обратиться за помощью в Иерусалимскую Патриархию и протянуть к ней руку за милостынею. К счастию, и сама Патриархия тяготилась присутствием русских и была рада поскорее от них избавиться. Деньги на проезд до Триеста были даны. На рассвете 8 мая Духовная Миссия в сопровождении 15 поклонников и поклонниц (двое: больная 80-летняя старуха и монах, заблаговременно перебравшийся в Лавру Святого Саввы, остались в Иерусалиме), тайно, почти украдкой покинула Святой Град, а 11 мая на австрийском пароходе в Яффе — и Святую Землю.

В начале 1855 года Министерство иностранных дел, ходатайствуя о награждении членов бывшей Духовной Миссии, писало об отце архимандрите Порфирии, что в семилетнее пребывание в Иерусалиме он, во-первых, оказал особенную пользу склонением Иерусалимского Патриарха к сбережению казны святогробской, последствием чего было то, что Патриарх положил значительное количество денег в российские кредитные учреждения; во-вторых, снабдил семь палестинских церквей ризницею; в-третьих, способствовал основанию учебного управления с правильным делопроизводством, причем учреждены Патриаршая школа в Крестном монастыре и народные училища в Рамлэ, Лидде, Сальте и Бейт-Сауре; и, в-четвертых, его стараниями учреждена арабская типография при Патриаршей кафедре. За эти заслуги Государем Императором 3 мая 1855 года повелено было производить <ему> пожизненно пенсию в 1000 рублей из Государственного Казначейства, иеромонах Феофан пожалован в архимандриты, а Соловьеву, рукоположенному 9 мая того же года в священники, выдана единовременная награда в 500 рублей из сумм Министерства иностранных дел.

Самый этот доклад, написанный, вероятно, вполне сознательно, ясно указывает, что первое десятилетнее существование Русской Духовной Миссии прошло совершенно бесплодно. Наука, конечно, обогатилась замечательными трудами отца архимандрита Порфирия, но этим и ограничился весь результат ее. Положение Иерусалимской Патриархии, отношение ее к местной пастве, происки иноверных пропаганд — все это для России осталось такою же непроницаемою тайною, какою они были и до посылки Миссии. Таким образом, казалось бы, что Миссия была только бесполезна, но в действительности она была вредна, ибо доказала Иерусалимской Патриархии наш страх перед нею, нашу непоследовательность и возможность проводить нас вполне безнаказанно. Насколько затем были достигнуты первоначальные предположения графа Нессельроде 1842 года: вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви, послужить ближайшим посредником между Святейшим Синодом и Иерусалимскою Патриархиею и наблюсти за полезным употреблением собираемых в России для Гроба Господня сумм, и на кого падает ответственность за неосуществление этих предположений — пусть решит прочитавший.

Приложение 1

Всеподданнейший доклад г. Вице-Канцлера графа Нессельроде об отправлении духовнаго лица в Иерусалим[28]

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Быть по сему».

Верно: За отсутствием Директора, Начальник Отделения /подп./ Н. Любимов.

В Александрии, близ Петергофа. Июня 13 дня 1842

Положение Православной Церкви в Палестине постоянно обращает на себя благочестивое внимание *Государя Императора. По воле Его Величества,* Министерство иностранных дел и Миссия в Константинополе прилагают всевозможные старания для доставления греческому духовенству законной защиты и для охранения принадлежащих оному прав. Настояниями нашими оно ограждено до некоторой степени от своевольных и притеснительных распоряжений местных властей. Учреждение же в последнее время особого иерусалимскаго начальника и изданный по сему случаю султаном Абдул-Меджидом фирман признаны были мерами, по обстоятельствам благоприятными для святых мест в Палестине. Но, к сожалению, бедствия Православной Церкви происходят не от одного лишь мусульманскаго владычества, они имеют также причиною: 1) стремление католиков и протестантских миссионеров к распространению своих вероисповеданий; 2) недостаточность нравственных и материальных средств греческаго духовенства для предупреждения пагубнаго их прозелитизма.

При обсуждении мер, какие могли бы быть приняты со стороны Российскаго правительства для поддержания Греческой Церкви, признавалось небезполезным присутствие в Иерусалиме благонадежной и образованной особы из российскаго духовенства. Мысль эта доныне оставалась без действия из опасения, чтобы не возбудить подозрений Порты и зависти других христианских держав. Но теперь приведение ее в исполнение становится более и более необходимым, в особенности со времени назначения в Иерусалим протестантского епископа и при настоящих действиях англиканских миссионеров.

Польза, какая могла бы произойти от присутствия русского духовнаго лица в Иерусалиме, состояла бы в следующем: 1) ему, по самому сану своему, удобнее чем светскому человеку, можно бы было вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви; 2) сим оказано бы было греческому духовенству соучастие единоверной Российской Церкви; 3) греческое духовенство получило бы чрез то одобрение и нравственную опору и, наконец, 4) российское духовное лицо могло бы быть ближайшим посредником между Святейшим Синодом и иерусалимским духовенством, передавать оному советы и внушения для пользы Православной Церкви, иметь хотя поверхностное наблюдение за полезным употреблением собираемых в России для Святого Гроба Господня сумм и т. п.

Но нельзя не сознаться, что гласное отправление духовнаго лица в Иерусалим имеет также и свои неудобства, которые могут проистекать отчасти от разных политических соображений, а отчасти от недоверчивости и личных видов греческаго высшаго духовенства. А потому на первый случай можно бы было ограничиться мерою, так сказать, испытательною. С сею целию надлежало бы избрать кроткого, благоразумнаго иеромонаха или архимандрита, но никак не выше сего сана, и от-

---

[28] Доклад К. В. Нессельроде был опубликован П. В. Безобразовым: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 5—8.

править его в Иерусалим в качестве поклонника. По прибытии туда он мог бы, исполняя все обязанности богомольца, стараться снискать доверие тамошнего духовенства, постепенно вникать в положение Православной Церкви, сообразить на месте, какие всего удобнее бы было принять меры к поддержанию Православия, доносить о том Российскому правительству чрез посредство консула нашего в Бейруте и, по руководству сего последнего, делать при случаях некоторые полезные внушения греческому духовенству от собственнаго своего имени и с братскою любовию, стараясь притом убедить его в благочестивом соучастии *Высочайшаго Двора* к единоверцам нашим.

Когда же опять укажут <обстоятельства>, что пребывание в Иерусалиме русскаго агента из духовных может действительно принести существенную пользу Православной Церкви, тогда, смотря по обстоятельствам, можно будет продлить его там пребывание под каким-либо благовидным предлогом и снабдить более положительными наставлениями касательно дальнейшаго образа действий. До того же времени необходимо, чтобы он во всем совещался с нашим консулом, ибо ему ближе известны политическия обстоятельства, с коими надлежит сообразовать и духовныя дела.

Приложение 2

Секретное отношение г-на Вице-Канцлера графа Нессельроде к г-ну Обер-Прокурору Святейшаго Синода от 31 марта 1843 г. № 855

Я имел честь лично объясняться с Вашим Сиятельством о причинах, по коим я признавал бы неудобным снабжать архимандрита Порфирия письменными наставлениями касательно возлагаемого на него поручения, а также о политических обстоятельствах, заставляющих отсрочить на некоторое время отправление его в Иерусалим. Принимая в соображение, что архимандрит Порфирий мог бы воспользоваться таковою отсрочкою для приобретения большого навыка в употреблении новогреческаго языка, который для него будет необходим, — я полагаю, что он для сего мог бы ехать теперь в Одессу, с тем чтобы там ожидать предписания для дальнейшаго следования в Иерусалим. Если Ваше Сиятельство изволит согласиться с таковым моим мнением, в таком случае можно бы было пред отъездом отсюда архимандрита Порфирия сделать ему словесные внушения касательно настоящей цели его отправления и круга действий, ему поручаемых.

Цель эта состоит в том, чтобы: 1) сблизиться с греческим духовенством в Палестине и вникнуть в его положение; 2) приобрести на месте все нужные сведения, могущие впоследствии послужить благонадежным основанием при соображении мер, какие признано будет полезным принять для поддержания Православной Церкви на Востоке. Для успешного достижения таковой цели, архимандрит Порфирий должен прежде всего твердо вразумить себя, что он посылается не для каких-либо положительных действий, распоряжений или преподания советов, но собственно лишь для наблюдения всех обстоятельств, касающихся духовных дел. Следовательно, ему надлежало бы твердо внушить, чтобы он не выходил из характера поклонника, строго исполнял все обязанности, с сим характером сопряженные, отнюдь не обнаруживал, что он послан от правительства, избегал вместе с тем всякой таинственности, могущей лишь возбудить совершенно неосновательные подозрения, чтобы он изъявлял греческому православному духовенству, как единоверцам своим, должное уважение и братскую любовь, приобретая мало-помалу доверие оного, не чуждался бы также и иноверческаго духовенства, наконец, собирал бы постепенно и неприметным образом сведения о положении Православной Церкви.

Развитие и изустное объяснение сих главных правил, коими архимандрит Порфирий должен будет руководствоваться, может быть сделано ему здесь, как по распоряжению духовнаго начальства, так и от Министерства иностранных дел, которое сверх того сообщит ему некоторые имеющиеся уже сведения о Палестине. Но окончательные и подробные наставления архимандрит Порфирий, по мнению моему, должен бы был получить при отъезде своем чрез Константинополь от пребывающаго там посланника нашего, которому между тем может быть препровождена отсюда положительная инструкция по настоящему предмету, с предоставлением ему сделать помянутому архимандриту дополнительныя объяснения, сообразныя с местными и временными обстоятельствами, и указать все необходимые для него потребности, дабы он, не зная положения политических дел на Востоке, не увлекался неосновательными соображениями и направлял свои наблюдения именно на те предметы, коих разъяснение может быть полезно в видах поддержания Православия.

Сообщая Вам, милостивый государь, таковое мое мнение, прошу об окончательном решении касательно архимандрита Порфирия меня уведомить. Я же со своей стороны не премину в свое время известить Вас, когда политическия обстоятельства позволят сему духовному лицу следовать в Константинополь и Иерусалим, и буду иметь честь препроводить тогда на предварительное Ваше рассмотрение проект инструкции посланнику нашему при Порте Оттоманской.

Приложение 3

Советы Министерства иностранных дел отцу архимандриту Порфирию 2 ноября 1843 года, переданные ему посланником в Константинополе 27 января 1844 года

Избегать всего могущего обратить на его поступки напрасное внимание, чуждаться равным образом излишней таинственности и обходиться простодушно и ласково со всеми. Таков наш лучший способ убедить самых недоверчивых людей, что если он и в самом деле имеет поручения, то в них не кроется ничего опасного или недружелюбного к кому бы то ни было.

Вникать постепенно в положение Святой Церкви, приветливо слушая рассказы и сознания туземцев, но не тревожа ничьей совести слишком настойчивыми расспросами.

Собрать на месте сведения о действительности притеснений, терпимых Православною Церковью, и беспристрастно сообразить, до какой степени основательны взаимныя жалобы духовенства разных вероисповеданий, кто при каком случае главный виновник и не представляется ли возможным прекращать споры мирным путем.

Стараться удостовериться о степени распространения влияния чужеземных миссионеров и обдумать, какия меры при местных обстоятельствах могли бы повести к упрочению Православия на Востоке.

В беседах с палестинским духовенством ограничивать свои речи самыми простыми и доступными истинами. В приличных случаях удостоверять восточных отцев и собратий в живом к ним участии главнейших российских иерархов, называя их поименно как особ, которых образ мыслей лично и непосредственно ему известны. Вообще говорить не столько о России, сколько о Церкви, Единой и Апостольской.

Одушевляться двумя чувствами: смирением и терпимостью, дабы палестинские единоверные иноки находили в русском архимандрите доброжелательнаго брата, а не строгого судью, и почерпали благие уроки сколько в его примере, столько и в снисходительном духе его речей.

Показывая при удобных случаях вежливость и радушие к лицам других исповеданий, не входить однако же с ними в короткое обращение и не простирать сбли-

жение до такой степени, чтобы оно могло поселить сомнение насчет религиознаго образа мыслей русского духовенства.

Собирать сведения о ходе образования духовнаго юношества и об употреблении сумм, пересылаемых из России, удерживаясь однако же от всякаго постороннего вмешательства, которое было бы вовсе непристойно для частнаго лица, прибывшего для поклонения Гробу Господню.

Не выходить из пределов поручения и не увлекаться собственными соображениями, кои часто могут быть неудобоисполнимы и бесполезны.

Приложение 4

Записка, представленная 6 января 1845 года нашему Константинопольскому посланнику и послужившая поводом ко второй миссии Преосвященнаго Порфирия[29]

1. В Иерусалиме учреждается Духовное посольство Церкви Российской к Церквам Палестинской, Александрийской и Антиохийской, или российский общежительный Святопоклонный монастырь первого класса.

Самое название сего монастыря уже определяет свойство лиц посылаемых и образ их жизни. Все они должны быть монахи и обязаны соблюдать Устав общежития.

Дабы сей монастырь иноверцам казался учреждением богоугодным, а не политическим, для сего пребывающие там монахи объявляются поклонниками и переменяются в определенные времена. Согласно с сим и дается ему название Святопоклоннаго. Он есть такое придворие в Святом Граде, в которое русские иноки приходят на короткое время для поклонения святым местам и из котораго возвращаются, сменяясь другими.

Кратковременное пребывание их там одобряется еще и потому, что оно избавит их от скуки, устранит от монастыря нравственную порчу возможную и, давая место новым инокам, поддержит в нем всегдашнюю свежесть сил и горячность покаяния. А кто в России не захочет покаяться и послужить при Гробе Господнем?

Святейший Синод уведомляет Патриарха Иерусалимскаго о водворении Русскаго братства в Святом Граде и поручает оное молитвам и любви его, изъясняя, что оно водворяется для теснейшаго единения Церквей Российской и Палестинской; для непрерывнаго моления о богоспасаемой России и о царствующем в ней Доме; для передачи милостынь Российской Церкви в казну Святаго Гроба и тайных пожертвований частных лиц в пользу беднейших христиан Палестины; для нравственнаго надзора за русскими поклонниками, но не для совершения над ним Таинств и обрядов церковных, что предоставляется греческому духовенству; для защиты их в случаях надобности совместно с ходатайством за них монастыря Святогробскаго пред местным начальством и, наконец, для ученых занятий.

От Святейшаго Синода посылается братское извещение к Патриархам Александрийскому и Антиохийскому о водворении Русскаго братства в Иерусалиме, с поручением оного молитвам и любви их. (Так поступило английское духовное начальство при водворении своей Миссии в Святом Граде). После этой общительности наши старцы иерусалимские станут ближе к сим Патриархам и будут лучше узнавать состояние и нужды Церквей Египетской и Сирийской.

---

[29] Материалы для биографии. Т. 1. С. 146—160. В тексте документа, приводимом В. Н. Хитрово в качестве приложения № 4, имеются некоторые разночтения по сравнению с текстом, изданным П. В. Безобразовым. Прежде всего, В. Н. Хитрово опускает многочисленные, не относящиеся к существу дела «примечания», которыми обильно уснащена «Записка» архимандрита Порфирия.

Российский монастырь учреждается в Иерусалиме с ведома Турецкаго правительства, дабы он имел вес и безопасность в Палестине. Его вес послужит там опорою Православия. А дабы легче вынудить у сего правительства согласие на учреждение его, для того поставляется ему на вид: дозволение русскому духовенству проживать временно в Иерусалиме по примеру других иностранных лиц духовных, нравственный надзор его за русскими поклонниками, разбирательство за них пред местным начальством в отсутствие консулов наших.

3. Богом благословенное величие Российской Церкви, достоинство Иерусалимскаго Престола, потребности Церкви Палестинской и благотворная цель учреждения нашего монастыря в Иерусалиме требуют того, чтобы он в самом начале получил вид прочный, казистый, важный, обещающий много добра.

Управление его вверяется архимандриту с титулом: настоятель Российскаго первокласснаго Святопоклоннаго монастыря в Иерусалиме архимандрит N.

По причине временного (или летнего) пребывания наших монахов в Иерусалиме настоятельство над ними архимандрита предпочитается священноначалию епископа. Ибо от частой перемены увеличилось бы у нас число непрестольных архиереев. Посмертное же пребывание епископа в Святом Граде несообразно с идеею, по которой учреждается там монастырь. А сменяющихся архимандритов можно определять к миссиям Константинопольской, Афинской, Римской, Венской, в должности ректоров семинарий и академий и настоятелями лучших монастырей первоклассных.

Совет архимандрита составляют два старшие соборные иеромонаха, которые должны иметь академические степени.

Два младшие иеромонаха и два иеродиакона очередные назначаются для богослужения.

Монастырь имеет своего лекаря, но монаха. Ужели в целой империи нашей не найдется подобный избранник?

Все монашествующие пребывают в Иерусалиме не более 7 лет, исключая первого настоятеля, яко устроителя монастыря, и лекаря, который должен остаться там до смерти для пользования ближних.

Перемена настоятелей и двух старших иеромонахов производится так, что они не все вместе выбывают из Святаго Града, а один после другого, спустя несколько лет, дабы не прерывалась опытность в управлении монастырскими делами и наипаче в благоустроении Палестинской Церкви, дабы несменному при Святом Гробе братству Греческому всегда присуще было братство Русское, дабы не прекращалось его практическое знание языков новогреческаго и арабскаго и дабы не изменялся дух и такт нашего монастыря. Посему:

В нем должны настоятельствовать не вновь присылаемые из России архимандриты, а старший иеромонах его, один после другого. Согласно с им прибытием и возведение его в сан настоятельский распределяется следующим образом:

Первый настоятель пребывает в Иерусалиме только пять лет. А при нем два соборные иеромонаха находятся в послушании: один четыре года, а другой — только двенадцать месяцев. Посему тот посылается в Иерусалим во второе лето его начальства, а этот — в пятое. По выбытии первого настоятеля, старший иеромонах, произведенный в архимандриты в Иерусалиме, занимает его место и начальствует три года, потом возвращается в Россию, а сотрудник его послушествует при нем три года, а потом вступает в его должность. Но за год до выбытия второго настоятеля — новый иеромонах из ученых и т. д. Такой порядок выбытия и прибытия настоятелей и помощников его, рассчитанный верно, должен быть признан неизменным. По этому порядку каждому старшему иеромонаху придется пробыть в послушании четыре года и в должности настоятеля три года, всего семь лет. В случае преждевременной смерти какого-либо настоятеля может быть послан на место его прежний архимандрит, дабы не нарушался установленный порядок.

Что касается до прочих иеромонахов и иеродиаконов, то для них должна быть назначена особая семилетняя очередь. Их можно посылать в Иерусалим и назад возвращать всех вместе, лишь бы не прерывалось опытное начальство.

В послушники к настоятелю и старцам назначаются 12 малолетних воспитанников Одесскаго Духовнаго училища с голосами высочайшими и высокими (sopranoalto). Они вместе с старцами читают, поют и прислуживают в церкви. Но пение их должно быть простое, а не искусственное хоровое, которое хотя и нравится для слуха, но осуждается на Востоке как пение латинское. Всякаго же осуждения надлежит избегать. Да и в священнодействиях нашему духовенству подобает применяться к древнему греческому чину.

4. При нашем монастыре Иерусалимском состоит училище для послушников, в котором они получают такое же образование, какое дается в России детям и юношам духовнаго звания с тем дополнением, что они научаются говорить, писать и сочинять по-новогречески, арабски и итальянски.

Училище открывается по совершенном устроении монастыря в третий или четвертый год от учреждения его. Двенадцать питомцев, сверстников по годам, все вдруг поступают в оное и все вместе оканчивают курс наук в течение 10 лет и определяются к должностям. На их место посылаются <другие> в том же числе и на то же время. При таком порядке необременительно для казны ни их отправление в Иерусалим, ни определение к должностям по истечении десятилетий, не требуется много наставников, которые с одними и теми же учениками постепенно будут восходить от низшаго класса до высшаго, нужна только одна классная комната и, что всего важнее, — не укоренится порча нравов.

В случае смерти кого-либо из двенадцати питомцев место его останется не занятым.

Все они носят такое же монашеское одеяние, в каком ходят послушники греческаго монастыря, дабы они не отличались от них внешним видом в глазах магометан и иноверных христиан.

Наставники их суть два старшие иеромонаха и один араб, котораго можно приискать в Иерусалиме или в Дамаске.

Сии воспитанники по окончании учения определяются — одни наставниками в уездные Духовныя училища в России; другие, при отличном знании языков арабскаго, новогреческаго и итальянскаго, — писцами и переводчиками в наши консульства или надзирателями в те учебныя заведения у нас, в которых преподаются эти языки; иные поступают в монахи и остаются в нашем монастыре Иерусалимском помощниками учителей и очередными старцами.

Деньги на содержание их отпускаются из капиталов Духовно-учебнаго управления при Святейшем Синоде.

Но когда одни из них поступят на службу в консульства, другие — в университеты и лицеи, тогда сии ведомства возвращают помянутому управлению всю стоимость содержания <их> в течение десяти лет.

В наше монастырское училище допускаются к слушанию уроков три или четыре посвященца Гробу Господню из греков, и три или четыре юноши из арабов духовнаго звания для приготовления их в наставники на случай открытия Духовнаго училища в греческом монастыре Святогробском и для приучения наших питомцев к разговору греческому и арабскому (один ученик будет нужен нам как переводчик). Таким образом, наш монастырь возжжет свет веры и ведения в Палестинской Церкви и медленно, но надежно приготовит ей надежных деятелей.

Училище при российском монастыре в Иерусалиме не подаст повода к местным толкам неприятным, ибо турки привыкли видеть при церквах обучающихся мальчиков. А латины и протестанты имеют свои школы. Что ж бы они могли молвить о нашем училище, из которого ученики будут выбывать в Россию, тогда как их питомцы остаются в Палестине?

5. По Уставу общежития, все монашествующие и воспитанники получают от монастыря одежду, стол, отопление, освещение, — словом, все нужное. Настоятелю и наставникам производится жалование за управление монастырскими делами и за ученые труды. Но из прочих никому не даются деньги в предотвращении всякаго зла. Сообразно с таким Уставом всего лучше вызывать очередных иеромонахов и иеродиаконов из монастырей общежительных.

Денежный оклад на содержание монастыря должен быть назначен по указанию двухлетнего опыта. Посему на первый раз устроители его посылаются в Святый Град с жалованьем, коим каждый мог бы содержать себя особо.

Русское братство для безопасности, удобства жизни и беспрепятственнаго исполнения обязанностей его помещается в самом Иерусалиме. Для помещения его не годится Феодоровский монастырь, потому что он тесен, худо устроен, наполняется русскими поклонниками. Лучшим приютом для него признается монастырь Архангельский по возвышенности местоположения и по внутреннему простору его и потому, что при нем есть сад. Но его надобно переделать. Теперь самое благоприятное время для устройства его, ибо Иерусалимский Патриарх получил от Порты позволение починить все монастыри свои в течение пяти лет. По соглашению с Его Блаженством, надобно или купить сей монастырь или занять его наемным образом. Но самое лучшее помещение Русскаго братства было бы в древней латинской Патриархии, пристроенной к Святогробскому храму. Тут теперь живет арабское семейство Алемидов. Оно уступит сие здание <за> 500 тысяч пиастров Русскому правительству или Патриарху Иерусалимскому. По приобретении его Храм Господень освободится от гаремнаго осквернения, и райский путь благодати озарит главу того, кто сделает сие доброе дело. На очищение и устройство сего здания потребуется, вероятно, 100 тысяч пиастров.

Примечание. Если бы угодно было испросить у Порты святое место Елеонское и старую латинскую Патриархию для нашего Братства, то постройка нового храма на Елеоне, покупка и устройство сей Патриархии ничего не стоили бы нашему Правительству, ибо можно было бы собрать огромную сумму в России от доброхотных дателей. Кто не пожертвует лепты на храм Елеонский?

Помещение, о котором идет речь, приготовляется прежде отправления нашего Братства в Иерусалим. Посему на первый раз посылается туда настоятель с иеромонахом, иеродиаконом и послушником, и он устрояет избранный монастырь или дом без роскоши, но пристойно и сообразно с климатом.

7. В свое время указывается, к кому монастырь наш должен относиться по делам и с отчетами своими: к Святейшему Синоду или обер-прокурору или к другому какому ведомству или лицу.

Отношения его к Святогробскому духовенству изложены во втором отделении сей записки. Здесь присовокупляется только то, что право наказания русских поклонников, присвоенное сему духовенству, отъемлется от него и предоставляется нашему монастырю и консульству, которых взаимные отношения определяются следующим образом:

Монастырь не подчиняется Консульству, как учреждение духовное, и Консульство отдает ему должное уважение.

Оно не вмешивается в монастырское управление и не принимает жалоб братии на настоятеля или друг на друга. Монастырь судится Синодом.

Все деньги, отпускаемые на содержание его, доставляются Консульством.

Монастырь принимает и отправляет своих старцев и послушников без ведома Консульства.

Духовные завещания братии или опись имущества по смерти кого-либо из них делаются без посредничества Консульства и подтверждаются настоятелем или Советом его.

Консульство защищает монастырь в случае притеснения или обиды или тяжбы какой и вообще хранит неприкосновенность прав его.

Ни монастырь, ни Консульство ни в каких случаях не ищут перевеса друг перед другом в мнении греческаго духовенства и действуют так, как бы у них была одна душа и одна воля.

Монастырь уведомляет Консульство о важнейших происшествиях в Церкви Палестинской, кои требуют или присутствия консула, или его письменнаго сношения с Иерусалимским пашою, либо с наместником Патриархии.

Монастырь принимает от консульства и передает в казну Святого Гроба все пожертвования вещами и деньгами. Ибо это дело духовное.

Консульство не вмешивается в раздачу пожертвований бедным христианам палестинским. Ибо это дело евангельское.

Монастырь, а не Консульство представляет к наградам игумена и игумению тех обителей в Иерусалиме, в которых помещаются наши поклонники обоего пола. Ибо эти лица духовные.

Монастырь имеет нравственный надзор за русскими поклонниками и за неважные вины наказывает их поклонами, заключением в темной келлии и отсылкою на епитимии в Саввинский монастырь. В случае важных проступков консульство отправляет виновных в Россию на основании донесения монастыря без переследования дела, подписаннаго настоятелем и Советом его.

От наших консулов монастырь получает список русских поклонников обоего пола с означением их звания, чина, и времени пребывания в Иерусалиме. Это нужно для того, чтобы настоятель его знал, как с кем обращаться и какие принимать меры к исправлению погрешающих.

Русские поклонники, по словесному приказанию наших консулов, после явки в Святогробский монастырь являются и к настоятелю нашего монастыря.

Он, в отсутствии наших консулов, разбирает взаимные ссоры и неудовольствия русских поклонников и, с помощью Святогробского монастыря, ходатайствует за них пред местным начальством в случае обид, нанесенных им арабами, или выручает их из тюрьмы, если это начальство заключит их в нее по какому-либо поводу. Русский не должен сквернить турецкою тюрьмою, хотя бы он и виноват был. Его накажет монастырь наш.

Греческие обители во имя свв. Феодора и великомученицы Екатерины, назначенные для русских поклонников обоего пола, обозреваются настоятелем нашего монастыря, и он уведомляет высшее начальство о нуждах их. Посредство Консульства в сем деле произвело бы лишнюю переписку.

Но игумена и игумению помянутых обителей определяет и судит Святогробский монастырь, однако при участии нашего настоятеля и консула.

Для сопутствования русским поклонникам в Назарет и Тивериадскому озеру и для надзора за ними посылается один старец и кавас нашего монастыря.

Отправлением сих поклонников в Россию занимается Консульство, а не монастырь.

В случае разъездов настоятеля и братии по Святой Земле монастырь своим именем, без сношения с Консульством, берет дорожные виды у местного начальства и такие же виды по той же надобности испрашивает у него для русских поклонников или путешественников.

8. Настоятелям нашего монастыря дозволяется ездить в Египет и Сирию для узнания состояния и нужд Престолов Александрийскаго и Антиохийскаго. Но лучше и сообразнее с их назначением, чтоб они предпринимали сии поездки уже по окончании ими летней службы своей для богомолья в Синайской обители и в сирийских монастырях. Разъезды же в Палестине с целью ученою или благотворительною делаются ими по доброй воле и по требованию обстоятельств, например, для вспоможения после землетрясений. На сии разъезды отпускается им ежегодно неболь-

шая сумма, например 300 рублей серебром. А на путевые издержки в Египте и Сирии даются особые деньги, по примеру священников посольских, возвращающихся в Россию.

9. При нашем монастыре временно (три или четыре года) находится иконописец и обучает местных арабов церковной живописи для снабжения все церквей Палестинских и Сирии святыми образами[30].

Приложение 5

Инструкция архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим[31]

1. Пребывание архимандрита Порфирия в Иерусалиме и подчиненных ему лиц ограничивается 3 годами, если впрочем Святейший Синод не признает нужным впоследствии сократить или продолжить сии сроки.

2. Как ему, так и подчиненным ему лицам, как то: иеромонахам, иеродиаконам и послушникам, состоять там не иначе как в качестве поклонников.

3. Сначала отправляется с ним самое малое число лиц. Причем отправляемые на первый раз воспитанники духовно-учебных заведений должны исполнять звание послушников.

4. В случае отсутствия или тяжкой болезни архимандрита, заведование имуществом Миссии и начальство над состоящими при ней переходит к старшему по нем, если, по распоряжению высшего духовнаго начальства, не будет назначено для сего особое духовное лицо.

5. По благословению Блаженнейшаго Патриарха Иерусалимскаго относительно места и времени, какие для того избраны будут, Литургия, и прочие требы церковные, отправляются в Иерусалиме самим архимандритом или по его указанию состоящими при нем духовными лицами.

6. Когда при архимандрите будет состоять иеромонах, то сей последний, в случае болезни или отлучки настоятеля посольской в Константинополе церкви, отряжается, по усмотрению начальства, туда для временнаго исправления его должности.

7. Снискав разрешение Блаженнейшаго Патриарха служить Литургию на славянском языке, русские поклонники должны стараться по возможности применяться к древнему греческому обычаю, избегая всего, что может не нравиться тамошнему духовенству и жителям. Сверх того, они не должны ни под каким предлогом устраняться от служения по-гречески вместе с тамошним духовенством, дабы не навлечь на себя упрека в гордости или равнодушии к грекам.

8. Архимандриту поручается наблюдение за поведением и распределение ученых и всех прочих занятий всех подчиненных ему лиц.

9. Кроме того ему предоставляется, с надлежащею осторожностью, допускать к участию в занятиях с русскими послушниками до пяти или шести греческих и арабских юношей, дабы они могли готовиться в преподаватели, а русским пособлять совершенно изучать греческий и арабский языки.

10. Русское братство помещается в самом Иерусалиме; но не запрещается однако архимандриту, а с его разрешения и другим лицам, получив на то благословение Блаженнейшаго Патриарха, проводить время в Вифлееме, в обители Святого Саввы и в других местах, подведомых Иерусалимскому Престолу, когда сего требует здо-

---

[30] В издании П. В. Безобразова уточнение, почему-то опущенное В. Н. Хитрово: «Высочайше утвержденная 28 августа 1847 г.».

[31] Инструкция опубликована: Материалы для биографии. Т. 1. С. 20—24.

ровье или какая-либо полезная цель, как например: ученые исследования, вспоможение христианам после землетрясений, голода и других бедствий и т. д.

11. Архимандриту Порфирию представляется выбрать в Иерусалиме помещение, по ближайшему объяснению с Патриархом и консулом. Если Архангельский монастырь не будет слишком обширен для ограниченного числа русских духовных лиц, то можно предпочтительно иметь его в виду, с тем чтобы самонужнейшие в нем починки произвести за счет русский, буде Святогробская братия изъявит на то добровольное согласие.

12. Архимандрит за каждые полгода представляет о занятиях своих и своей братии отчеты посланнику в Константинополь для препровождения в Святейший Синод чрез Министерство иностранных дел.

13. Право наказания русских поклонников, разбирательство их дел, зависимость греческих монастырей, ими занимаемых, — все сие остается неизменно на том же основании, как доселе. Архимандрит же и состоящие при нем лица действуют на нравственность русских поклонников, при удобных случаях, одними лишь духовными назиданиями, советами, внушениями, а всего более примером собственнаго своего жития. Равным образом они устраняются от содействия во всех полицейских мерах.

14. Архимандрит не должен принимать ни малейшаго участия в делах и вопросах политических; он может лишь делать, в случае нужды, изустные дружелюбные представления Патриарху и консулу, когда заметит что-либо полезное к улучшению участи и доброму порядку русских поклонников.

15. Архимандриту предписывается по общему долгу христианства и службы Отечеству, быть с консулом в постоянном единодушии. Он сообщает консулу, что узнает особливо важного и требующаго внимания от носителя Православной Восточной Церкви, и содержит его в известности о раздаваемых милостынях и пожертвованиях, и в случае разъездов обращается к его посредству для снабжения себя защитою и видами от местного начальства.

16. Консул, при должном уважении к духовному сану архимандрита, призван однако же передавать ему наставления посланника и делать доверительные внушения для пользы дел Церкви и службы. Архимандрит обязан принимать их со всем должным вниманием.

17. Руководство лиц, состоящих при архимандрите, предоставлено ему вполне, а консул не принимает жалоб их ни на архимандрита, ни друг на друга.

18. Приношения, Святому Гробу из России пересылаемые, доставляются в Иерусалим по усмотрению Миссии в Константинополе чрез посредство или консула или архимандрита. Впрочем, сему последнему не возбраняется вносить таковые пожертвования от имени доброхотных дателей, которые за сим отнеслись бы прямо к нему.

19. Для сопутствия русским поклонникам в Назарет, Тивериаду и для надзора за ними во время пути архимандрит, по соглашению с Патриархом и консулом, отпускает, в случае особливой нужды, кого из состоящих при нем лиц. Консул снабжает оное кавасом и потребным видом местного начальства.

20. Поездки в Египет, Синай и вообще в места, не зависящие от Иерусалимскаго Престола, допускаются не иначе как с предварительнаго разрешения посланника. Для издержек на таковые путешествия Константинопольская Миссия назначает каждый раз особливые денежные дачи, сообразуясь примеру посольских священников, возвращающихся в Россию.

21. Ежели в числе духовных лиц при архимандрите будет кто-либо из сведущих в иконописании, то познания его могли бы быть обращены для снабжения беднейших палестинских церквей пристойными иконами. Причем однако ж вменить ему в обязанность не отступать от древних византийских образцов и не занимать от западного искусства ничего, кроме правильности в чертах рисунка. Тем лучше, если он будет обучать иконописанию единоверных нам греков и арабов.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь[32]

К предположениям об отправлении Духовной Миссии в Иерусалим и о водворении ее там, осмеливаюсь присовокупить мнение мое: не благоугодно ли будет начальству обратить Одесский второклассный Успенский монастырь в ставропигиальный первоклассный общежительный монастырь Иерусалимской Миссии на следующих основаниях и по следующим расчетам:

1. Из сего монастыря монахи посылаются в Иерусалим на служение при Миссии и, по окончании оного, возвращаются в свои места. Этою мерою, между прочим, обеспечивается их успокоение после трудов.

2. В сем монастыре открывается Миссия в случае войны Турции с Россиею и по замирении опять отправляется в Святой Град на дело свое.

3. Сей монастырь служит школою иконописания для снабжения всех церквей Сирии и Палестины святыми образами, и приготовительным училищем для тех, которые вновь назначаются в Иерусалим. Ибо возвратившиеся оттуда будут приучать их к разговору на языках новогреческом и арабском.

4. Сей монастырь заготовляет и отправляет в Святой Град все нужное для Миссии на ее деньги.

5. Он одевает монахов, назначенных в Иерусалим, на счет их жалованья и братской кружки. Посему из окладов Миссии исключается сумма на этот предмет.

6. При помощи штатного жалованья и доходов Одесскаго монастыря со временем уменьшатся и даже совсем прекратятся денежные дачи казны на подъем и путевые издержки Миссии от Одессы до Иерусалима и обратно, как это объясняется ниже (п. 9).

7. Настоятель Одесскаго монастыря есть начальник Миссии Иерусалимской, а в его отсутствие управляет сею обителью наместник его.

8. По возвращении настоятеля из Святаго Града в Одесский монастырь старший член Миссии назначается начальником ее и, по определении предшественника его к другой должности или после перемещения его в другую обитель, утверждается настоятелем сего монастыря. Такое чередование будет последовательно.

9. Жалование, какое по штату назначится настоятелю Одесскаго монастыря, равно как и установленный выдел ему из братской кружки, остаются запасною суммою до возвращения его из Иерусалима. Эта сумма, которая сделается довольно значительною от немаловременнаго отсутствия его и от приращения ее в банках, по особым распоряжениям духовнаго начальства употребляется на подъем и путевые издержки членов Миссии, на том основании, что содержание настоятеля в Иерусалиме обеспечено особым окладом Миссии.

10. Настоятель Одесскаго монастыря, по возвращении из Святаго Града, пользуется как монастырским жалованьем своим, так и выделом из братской кружки до будущаго назначения его.

Если это мнение и это основание и расчеты удостоятся внимания духовнаго начальства, то соображения касательно учреждения нового порядка и общежития в Одесском монастыре и новых отношений его к Святейшему Синоду и к епархиальному начальству могут быть изложены в особой записке.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть.

1847 года 6-го июня

Подготовка текста
и примечания *Н. Н. Лисового*

---

[32] Письмо архимандрита Порфирия написано в рукописи другим почерком и не имеет обычной для статьи В. Н. Хитрово нумерации приложений. Оно помечено лишь карандашной цифрой «6».